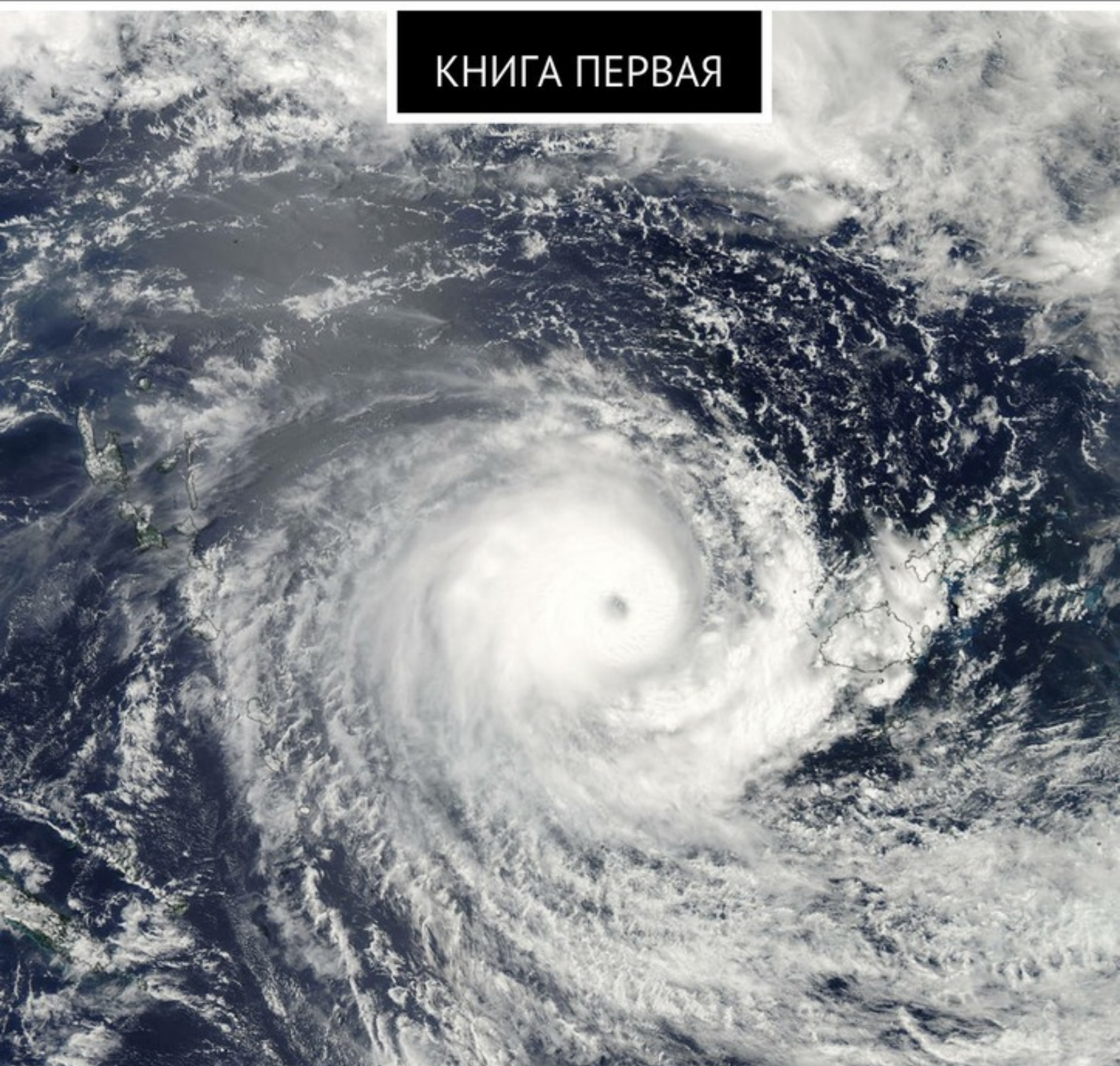

АЛИСА ГААЛ

Бездна. Девушка. Мост из паутины

КНИГА ПЕРВАЯ

Алиса Гаал

**Бездна. Девушка. Мост из
паутины. Книга первая**

«Издательские решения»

Гаал А.

Бездна. Девушка. Мост из паутины. Книга первая / А. Гаал —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854482-8

Вьетнам, начало 2000-х. Наркоторговля включена в список семи угроз национальной безопасности. В стране объявлена настоящая «охота на ведьм», только вместо костров — расстрелы. В эту реальность по нелепому стечению обстоятельств погружается стюардесса по имени Вера. Ее ждет расстрел или пожизненное заключение. В аду вьетнамской тюрьмы она встретит человека, который сыграет ключевую роль в ее жизни. Неожиданный поворот изменит ее реальность во второй раз. И вновь ее жизнь окажется в чужих руках...

ISBN 978-5-44-854482-8

© Гаал А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая: Вьетнам. Вера	12
Глава 1. Будни «небесной» девушки	12
Глава 2. Добро пожаловать в ад из серого бетона...	43
Глава 3. «Следствие» закончено. Перевернем страницу?!	51
Глава 4. Елена	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Бездна. Девушка. Мост из паутины

Книга первая

Алиса Гаал

*Почти всегда бывает так,
что мы редко управляем событиями,
но события ведут нас за собой.*

Вольтер

© Алиса Гаал, 2017

ISBN 978-5-4485-4482-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

2006 год. Ханой

Мужчина встал из-за стола и быстро заходил по кабинету. Чувствуя, что его терпению пришел конец, не в силах скрывать более раздражения, он спросил, повысив голос:

– Вы отдаете себе отчет в том, ГДЕ находитесь?

Сидевшая напротив девушка устало кивнула.

– В самом деле? – переспросил он.

Девушка смотрела на него с плохо скрываемым удивлением. «Может, он думает, что я не в себе?» – только так могла она объяснить этот нелепый вопрос, заданный в третий раз на протяжении этого бесконечного ночного разговора.

Время давно перевалило за полночь. Мужчина закурил и вышел, давая короткую передышку собеседнице. На самом деле передышка была необходима обоим. Он понимал, что зашел в тупик, и, наблюдая за ней через стекло, в очередной раз отметил, как меняется ее лицо, превращаясь в маску, скрывающую мысли и чувства. Эту маску необходимо сорвать, и она заговорит. Но сделать это в ближайшие часы будет невозможно. Несчастливая, неужели она не понимает, что все кончено? Бьющаяся о прутья клетки птица ранит себя, а железные прутья, как и наблюдающие за ней люди, безучастны к жалким попыткам обрести свободу. Так и она, растрчивая силы, ослабнет и совсем скоро, убедившись, что помощи ждать неоткуда, заговорит, пытаясь обменять собственную жизнь на нужные показания. Впрочем, в ее случае это вряд ли поможет. И в очередной раз он задал себе вопрос, который не давал ему покоя все часы допроса: кто она, отчаянная авантюристка, осознанно рискующая в побеге за легкими деньгами, или законченная дура, не понимающая, что на кон поставлена ее жизнь?

Девушка тем временем лихорадочно перебирала события этого злосчастного вечера. Ощущая, что силы и самообладание на исходе, она погружалась в себя, стараясь на несколько минут абстрагироваться от происходящего. Эта нелепая история вот-вот подойдет к закономерному финалу: с минуты на минуту придут представители компании, и через несколько часов, максимум дней, все закончится. Она вернется домой, а там, ответив на многочисленные вопросы коллег о малоприятном приключении, окунувшись в повседневную рутину, навсегда сотрет из памяти этот вечер... и все же, впредь постарается никогда больше не летать без необходимости в эту страну. В сознании назойливо вертелась мысль о том, как и когда она сможет улететь домой. Если бы допрашивающий ее офицер на считанные минуты получил способность читать мысли, он был бы поражен, осознав, как далеки от правды обе его версии. И вполне возможно, приятно удивлен, узнав, что самой верной была первая спонтанная мысль, пришедшая на ум, при виде входящей в кабинет изящной, как статуэтка, девушки, доверчиво устремившей на него удивленный взгляд огромных глаз. Верную мысль он моментально отверг, пожурился за слабость. «Такие, как она, – размышлял он, – созданы, чтобы вводить в заблуждение! Скорее всего, осознавая это, она чувствовала собственную неуязвимость. Ей было нетрудно под прикрытием своей профессии, используя эффектную внешность, делать черное дело. Те, кто ее нашел, не могли не понимать, что эта девица – курочка, несущая золотые яйца. Но ей не повезло, не повезло в стране, которая не прощает». Позвольте, господин офицер, вы сами себя запутали! Ваша интуиция, потесненная логикой и многолетней практикой натаскивания на жертву, не обманула вас. Девушка, действительно, не понимала до конца, ни где находится, ни чем это может обернуться. Уже обернулось.

А за стенами кабинета тем временем стоял растерянный представитель компании, на которого она возлагала надежды. Несколько часов ранее ему удалось проинформировать начальство о случившемся. Решение скрывать произошедшее, пока это представляется

возможным, принято было незамедлительно. В том, что скандал неминуем, ни у кого не оставалось сомнений. Какой урон он нанесет репутации компании! Ничего подобного не случилось с момента ее основания – без малого 60 лет. Безупречная репутация – этим по праву можно гордиться. И тут такое! В отделе безопасности в панике искали ее дело и с облегчением вздохнули, убедившись, – кристально чистое. Отдел по связям с общественностью собрался на экстренное совещание с руководством – необходимо было срочно подготовить стратегию. Управляющие отделом обслуживания полетов и ее непосредственный куратор спешили в отдел безопасности, а коллеги, будучи свидетелями произошедшего и на данный момент находившееся в полете, обязались в срочном порядке явиться в кабинет ген. директора в день прилета. Несмотря на то, что рабочий день подошел к концу, в непосредственно затронутых этим пренеприятным известием отделах не думали расходиться, а новость, подобно лавине, неслась по офисам с невероятной скоростью. Когда в Ханое наступит утро, необходимо связаться с консульством и поставить их в известность – поступил приказ. Кто-то тихо сказал, что ей, даже если она виновна, крупно не повезло. Такого она не заслужила.

– А консул, – раскатистый, грубоватый голос секретарши Нурит был слышен в соседних кабинетах, – сможет помочь?

– Нет, – ответил вошедший начальник отдела безопасности, полковник запаса, командир одного из самых известных подразделений спецназа, – там действуют местные законы, одни из самых строгих в мире.

Наступила тишина.

И только Вера Елински была относительно спокойна, не догадываясь, что в песочных часах ее жизни утекают последние песчинки отпущенной ей безмятежности. Осознающая собственную невиновность, не знакомая с законами страны, в которую ее занесло по работе на 56 часов, она и представить не могла, что впереди безнадежная борьба, которую ей придется вести в одиночку. В этот страшный вечер, перечеркнувший все, что прежде составляло ее жизнь, она, сама того не ведая, вступала в новый мир, мир, неизгладимые шрамы которого она пронесет в душе через всю жизнь.

***

*Конец твоего мира приходит не так,
как на великих произведениях искусства.*

Э. Хемингуэй. Острова в океане

«Неужели ЭТО происходит со мной?» – Вера сидела на полу в углу темной камеры и пыталась осмыслить последнюю новость. Прошла неделя с того самого первого вечернего допроса, а событие, в котором она со свойственным ей оптимизмом в первые дни старалась видеть лишь неприятный эпизод, превращалось в настоящий кошмар. Завтра утром ее переведут в тюрьму, так сказал представитель консульства, не забыв «заботливо» предупредить о том, что условия в тюрьмах Вьетнама очень тяжелые, более тяжелые, чем в отделении, в котором она провела последнюю неделю. Вера, описав крошечную камеру – ее она делила с четырьмя женщинами – узкое помещение без малейших удобств: туалета, умывальника, кроватей, электричества, поинтересовалась, может ли быть еще хуже? «К сожалению, да, – последовал ответ. – Вас будут судить по местным законам, избежать суда поможет только чудо». Да, именно так он сказал.

– Что ж, – едва слышно произнесла Вера, – я верю в чудеса.

Мужчина, помолчав, добавил, что ей понадобится очень большое чудо.

– Вы вселяете в меня оптимизм, – заметила она. В тихом голосе промелькнули едва уловимые ироничные нотки.

– Вы должны быть реалисткой, – последовал совет.

Вера не знала, как это понимать. Всю неделю, состоявшую из непрекращающихся допросов, на нее давили, непрерывно запугивая, повышая голос, угрожая. Офицер, проводивший допрос в первый вечер, казался ей теперь эталоном вежливости и терпимости – мысленно, не без толики сарказма, она отметила, что начинает понимать в этом толк. Расследовавшие дело служители закона относились к ней с нескрываемой агрессией. В первые дни подобное отношение задевало, даже ранило, но с каждым днем, с каждым допросом все острее проступала несправедливость происходящего, что пробуждало в ней недоумение, возмущение и дикое желание не опустить руки, а напротив – собраться и выиграть эту изощренную, непонятную игру. Защищаясь, она настаивала на присутствии адвоката, напоминала, что подозреваемый невиновен, пока суд не установит обратное, и требовала к себе соответствующего отношения. С адвокатом встретиться не удалось (по правде говоря, она так и не узнала, есть ли у нее адвокат), а обращение с ней стало еще более враждебным. На четвертый день допросов Вера с удивлением обнаружила, что перестает реагировать на крик, который превращается для нее в привычный фон. Она равнодушно смотрела на в очередной раз потерявшего самоконтроль следователя... вежливо, профессионально улыбаясь, предлагала ему выпить воды, либо просто дышать глубже. Это было даже, в какой-то мере, забавно, и Вера испытала слабое удовлетворение, поставив на место этого неизменно срывающегося на крик человека. В тот же вечер ее лишили ужина, а на следующее утро – завтрака, после чего она сдержанно отвечала на вопросы, механически повторяя рассказанное ранее, чем вызывала очередную волну негодования у допрашивающих. Уверая, что добавить ей больше нечего, она с нарастающим страхом наблюдала, как вместо того, чтобы расследовать произошедшее, из нее пытаются выбить признание, не оставляя ни крупинцы сомнения в том, что расследовать, по сути дела, нечего. Они не сомневались, что обвиняемая приведет их к поставщикам. Осмыслив ситуацию, Вера поняла, что помощь оказать ей может только консульство, а спасти – независимое расследование, которое, должно быть, проводят в компании.

Представитель компании, не без помощи консульства, добился встречи с ней на пятый день.

– Наберись терпения, – сказал он, – мы делаем все от нас зависящее.

Вера кивнула.

– Мы поставили в известность твою семью... Ты должна держаться, Вера.

– Я стараюсь, – она еле сдерживала слезы. – Кому Вы сообщили, брату?

– Да, как указано было в твоей анкете...

Анкета. Вера не могла забыть, как при заполнении, стоило глазам встретиться с простым, казалось бы, вопросом: «Укажите имя, фамилию и степень близости человека, с которым придется связаться в случае необходимости», странное волнение парализовало ее на считанные секунды. Она понимала, что это обычная формальность, но здравому смыслу вопреки, необъяснимое беспокойство продолжало преследовать ее на протяжении двухмесячного курса подготовки к должности. Моментами ей начинало казаться, что лучше не сдать один из многочисленных экзаменов и вылететь, избавившись, наконец, от вопроса, который она, в отличие от всех без исключения коллег, так и не смогла выбросить из головы. Вера ругала себя за впечатлительность и разыгравшееся воображение, а сейчас вспомнив об этом, с грустью отметила, что, возможно, предчувствие в который раз не обмануло ее. Она отбросила казавшиеся нелепыми волнения, и вот она здесь, в Ханое, в тюрьме.

– Вера, – голос вырвал ее из оцепенения, – мы попросили твоих родителей не привлекать прессу. На данном этапе в этом нет острой необходимости. Более того, это никому невыгодно.

Она с готовностью кивнула. В этом, действительно, нет необходимости! Ей не хотелось, чтобы ее имя упоминалось в сми в подобном контексте. К тому же, эти слова внушили оптимизм. Подчеркнутое отсутствие необходимости, как ей казалось, подтверждало, что дело можно решить собственными силами. Представитель компании добавил, что на днях ее наве-

стит сотрудник консульства. Это была единственная хорошая новость за всю неделю! Наконец-то кто-то сможет повлиять на этих людей, напомнить им, что она гражданка другой страны, и, быть может, добиться компетентного расследования. Вера с нетерпением ждала. Она ощущала потребность выговориться, услышать ответы на мучившие ее вопросы и получить короткую моральную передышку, проведя несколько минут в обществе человека, который не видит в ней преступницу, с которым их объединит общая цель – защитить ее интересы в чужой стране. Ей необходимо было найти точку опоры, убедиться, что за ней стоят люди готовые отстаивать ее свободу.

Дипломата по имени Дэвид Вера встретила с нескрываемой радостью. Она не сочла нужным тратить драгоценное время на пересказ собственной версии событий, ведь ее невиновность, как ей казалось, очевидна. Вера просила повлиять на следствие, убедить рассмотреть другие версии и начать наконец расследование. «Пожалуйста, напомните им, что не следует нарушать законы, у меня есть право встретиться с адвокатом», – говорила она. Во время разговора Вера не могла избавиться от ощущения, что Дэвид выглядит растерянным и избегает ее взгляда. Он выслушал внимательно и заговорил, тщательно подбирая слова. Вера слушала едва дыша: слово плюс слово, предложение, перетекающее в новое предложение, много-много слов похожих на глухие выстрелы... ей начинало казаться, что она падает в пропасть, медленно-медленно, ощущая каждую секунду падения... Он говорил о том, что консульство весьма ограничено в действиях и не может, не в силах, влиять на судебную систему, в корне отличающуюся от западной модели. Ее будут судить по законам страны, в которой она находится, и избежать суда практически невозможно. Она должна знать, что между Вьетнамом и Израилем нет договора о выдаче заключенных, и потому, если ее признают виновной, наказание придется отбывать во вьетнамской тюрьме. Не в силах ответить на ее взгляд, он добавил, что здесь действуют очень жесткие законы, и она, во избежание осложнений, обязана делать все от нее зависящее, чтобы помочь следствию.

– Но следствия нет! – Вера говорила тихо, почти шепотом, и каждое слово давалось ей с трудом. – Они давят на меня, пытаюсь вытянуть признание и информацию, которой я не обладаю.

Мужчина растерянно покачал головой, и Вера в очередной раз поймала себя на мысли: он выглядит не менее потерянным, чем она, и, кажется, сам не совсем знает, что можно предпринять. Он еще раз подчеркнул необходимость делать все, что в ее силах, ни в коем случае не провоцировать и не оказывать сопротивление – следователи очень недовольны ее поведением, которое, по их версии, является лишним доказательством ее вины. Дэвид помолчал, а Вера, пытаясь прийти в себя, думала о том, что происходящее рискует побить рекорд нелепости, если такой существует, и кажется непостижимым: как вместо того, чтобы положить конец набирающему обороты абсурду, окружающие втягиваются в эту жестокую игру?

– У меня для вас неприятная новость, – наконец добавил он. – Завтра вас переводят в тюрьму...

Прощаясь, Вера, собравшись с силами, отважилась произнести вслух то, о чем ей ежедневно твердили на допросах, то, что казалось невероятным и воспринималось как очередная попытка выбить почву у нее из-под ног и вырвать, наконец, нужные показания. Эти слова не производили желаемого эффекта, так как были для нее чем-то вроде страшной сказки, рассказанной непослушному ребенку в воспитательных целях. Но сейчас, когда, казалось, невероятное оборачивается реальностью, она не могла не задать этот вопрос:

– Скажите, пожалуйста, – наконец-то ей удалось поймать его взгляд, – мне не перестают угрожать, утверждая, что если моя вина будет доказана, меня ждет смертная казнь. Это ведь не может быть правдой?

Дэвид устался в пол, не в силах вынести взгляда беззащитных огромных глаз.

– Не думайте об этом, – сказал он, – мы сделаем все, чтобы не допустить этого даже при худшем развитии событий.

– Значит... – Вера не узнала собственный голос, – здесь, и правда, такие законы, и они распространяются на иностранцев???

– Пока ваша вина не доказана, все может закончиться хорошо.

Пытаясь подбодрить, Дэвид сам того не ведая, нанес ей неожиданный удар: Вера безошибочно почувствовала – он сам не верит в то, что говорит. Таким тоном утешают тяжелобольных, когда уходит последняя надежда. Силясь подавить внезапно нахлынувшую слабость, она облокотилась о стену, слушая, как издалека до нее доносится голос: «Вы же верите в чудеса».

Вера верила в чудеса. Ей необходимо чудо, всего одно чудо. И оно произойдет, потому что иначе... В этот вечер она начала понимать, что ей предстоит борьба за свободу и, возможно, за жизнь. В этой борьбе, сказала себе Вера, будет один победитель – она. Сидя в темной душной, как сауна, камере, Вера запретила себе допускать даже мысль о печальном исходе дела. Об этом нельзя думать, непозволительно так глупо растрачивать силы. Повторяя про себя как заклинание, что в компании ведется расследование с целью доказать ее непричастность к произошедшему, что все закончится совсем скоро и к началу нового учебного года она будет дома, Вера уснула.

***

Казалось, этой поездке не будет конца. Невыносимая духота, медленно ползущая по дороге раскаленная гряда железа... Яркое солнце с легкостью просочилось сквозь оконное стекло автомобиля и, словно забавляясь, безжалостно пекло кожу, слепило глаза. Влажность была настолько высокой, что, вдыхая спертый, душный, отнимающий последние силы воздух, рождался подсознательный страх: еще чуть-чуть и дышать будет нечем. Руки и ноги закованы в кандалы, металл накалялся с каждой минутой, оставляя красные полосы на нежной коже. Вдобавок ко всему машину трясло, словно попавший в зону турбулентности самолет. В очередной раз, еле удержавшись, чтобы не упасть, Вера удивленно отметила: оказывается, передвигаясь по земле, можно испытать почти «воздушные» ощущения. Ни разу, ни в одном полете, а их накопилось достаточно за последние полгода, она не чувствовала себя столь отвратительно. Безумно хотелось пить. Когда час назад ее, грубо подталкивая, вывели из отделения и затолкнули в машину, ей не дали позавтракать и отказали в стакане воды. Она не ела со вчерашнего обеда и не пила более 12 часов, что послужило причиной нынешнего недомогания. Чувствуя, что вот-вот лишится сознания, Вера, обратившись к охраннику, попросила воды. Тот смерил ее изучающим взглядом и отвернулся.

– Я хочу пить! – в этот раз она не просила, а требовала.

В следующую секунду по ее лицу стекала вода.

– Пей! – охранники засмеялись.

Вера, подняв голову, внимательно рассмотрела человека, выплеснувшего воду ей в лицо, и с издевкой произнесла неожиданно твердым голосом:

– Спасибо, вы мне очень помогли, мне уже лучше.

Смех прекратился, наступила тишина. Через несколько минут охранник демонстративно пил воду.

«Возможно, они получают указания вести себя подчеркнуто жестко с арестованными, – думала Вера. – Похоже, здесь пришли к выводу, что запугать, сломать – вполне эффективная стратегия». Настолько жестокое обращение с подозреваемым не переставало шокировать, и она с ужасом представляла, как в этой стране, должно быть, относятся к осужденным? Принесут ли извинения следователи, когда ее невиновность будет доказана, или это часть процесса абсолютно закономерная в их понимании? Неужели в судебной системе этой страны человек

не вправе рассчитывать на каплю сострадания, будь то нормальное обращение во время допросов или стакан воды в адскую жару? К несчастью, ей пришлось убедиться, что вопрос этот – риторический. Изнывая от жары, жажды и голода, Вера силилась понять эту новую реальность: в поощряющей жестокость системе базовые права личности практически аннулируются. Что остается заключенному? Как защитить свои права? Как добиться необходимого приема пищи, уважения личных границ и главное: где заканчивается вседозволенность людей в форме? Перешагнув порог тюрьмы, останешься один на один с тюремщиками, догадывалась она, и все бытовые проблемы придется решать самостоятельно, ведь консульство не в силах утолить сиюминутную проблему жажды, голода...

Стакан воды, кусок хлеба, глоток свежего воздуха и холодный душ... Могла ли она представить всего десять дней назад, что повседневное, незначительное и, казалось, постоянное обернется едва ли не самым желанным, первостепенным и ускользающим?

Часть первая: Вьетнам. Вера

*Что бы ни случилось с тобой, оно предопределено тебе из века.
И сплетение причин с самого начала связало твое существование
с данным событием.*

Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления

Глава 1. Будни «небесной» девушки

*Короткий миг может менять местами верх и низ.
Луций Анней Сенека*

8 августа, прощаясь с пассажирами в конце полета, Вера сгорала от любопытства: не терпелось поскорее покинуть самолет и познакомиться с новой экзотической для нее страной. Знакомство будет коротким, всего три дня, два из которых разбавлены полетами, но она постарается максимально заполнить их новыми впечатлениями.

А несколькими неделями ранее, в конце июля, получив расписание полетов на август, Вера в очередной раз поразила своему везению: почти за полгода работы ей удалось поставить галочки в своем листе желаний напротив самых интересных рейсов, среди которых числились Пекин, Бангкок, Гонконг, Йоханнесбург, Мумбай, Торонто. Ее списку могли позавидовать более опытные сотрудники. Про многочисленные полеты в Нью-Йорк и упоминать не стоит – они были нормой для всех стюардов компании. Ежемесячное расписание полетов планировалось компьютерной системой, а бортпроводники самой большой израильской авиакомпании «Isra Airlines», коих числилось более тысячи, получив очередное расписание, бросались обменивать неустраивающие их полеты на специальном портале работников компании. Каждый месяц было море недовольных: одним доставались в основном трансконтинентальные полеты, преимущественно в Нью-Йорк, другим, как по закону подлости, всего один несчастный Нью-Йорк и ненавистные «квики» – полеты в Европу без остановки в стране назначения, туда-обратно в один день – два взлета, две посадки, и, если особенно не повезет, – рейс не в Барселону или Милан на относительно небольшом самолете, а в Париж, Лондон в разгар сезона, когда огромный Боинг переполнен сотнями пассажиров, множеством детей. Идеальное расписание: несколько коротких полетов, если очень повезет – выходные в Европе и два трансконтинентальных, когда в месте назначения проводишь от двух дней до недели. Одним из самых желанных направлений был Бангкок, и некоторым стюардам, проработавшим в компании больше года, так и не посчастливилось получить распределение. Вера была везучей: добрый компьютер выдавал ей заветные рейсы, идеально комбинируя их с «квики», кроме того несколько раз ей выпали полеты в Европу с остановкой – недолгий перелет, отдых и возможность посмотреть город – ради этого большинство молодых людей выбирали эту работу. А еще она ни разу не была распределена на бортовую кухню, превратившуюся во время учебы в ее маленький персональный кошмар. Впрочем, с кухней у Веры и дома не было никаких отношений. Проще говоря, все складывалось на удивление удачно.

И вот, просматривая расписание на август, Вера с удивлением обнаружила полет в Ханой. На курсах стюарды изучали все рейсы в деталях, но во Вьетнам самолеты компании не летали. Она припоминала, что в новостях мелькало сообщение о возможном новом направлении, но не считала нужным выяснить подробности, так как на тот момент то были просто планы, а в случае их реализации первое время рейс будет новым и пробным. Какой шанс получить распределение, когда претендентов более тысячи? Минимальный... Вера зашла на сайт и с инте-

ресом прочла последние новости и обсуждения: с августа компания вводит новый рейс, в течение двух последующих месяцев планируются восемь полетов в Ханой. Компьютерная система распределения определенно была к ней равнодушна: Вера летела в Ханой вторым рейсом – 7 августа. Невиданное везение!

На следующий день ее ждал предпоследний экзамен из летней сессии, в его сложности сомневаться не приходилось. Профессор, читавшая курс лекций, была известна не только именем, но и повышенной строгостью и любовью к снижению оценок. Перфекционист, она не прощала студентам несерьезного отношения и мелких промахов. С Верой у них возникли серьезные разногласия, вызванные тем, что преподаватель отказывалась понимать ее необходимость пропускать лекции по причине полетов. Когда Вера набрала на один пропуск больше дозволенного, та пригрозила исключить ее с курса. Испортившиеся отношения с известным профессором расстраивали мечтавшую о научной карьере Веру, отличницу, стипендиатку деканата. На курсе она осталась при условии, что за пропуски из результата экзамена автоматически вычитаются пять баллов. Проблемы с учебой были ей ранее незнакомы: обладая прекрасной памятью, Вера с детства училась с легкостью, а изучение литературы было для нее удовольствием, а не обязанностью. Без особого труда, совмещая учебу с работой, она нередко получала самые высокие оценки на курсе, в коллекционировании которых испытывала азарт. Столкнувшись с проблемой, она решила доказать, что пропуски в ее случае не влияют на конечный результат, и, наверстав пропущенные лекции, прочитав море дополнительного материала, усиленно готовилась к заключительному экзамену. Никогда прежде она не испытывала волнения перед экзаменами, но этот был для нее особенно важен. Четыре часа, и три исписанных тетради – она покинула экзаменационный зал одной из последних и была заметно расстроена. На этот раз привычная уверенность в том, что ее оценка будет если не лучшей, то одной из лучших на курсе, улетучилась. Экзамен был объективно самым сложным за три года обучения, неожиданные вопросы касались почти не затронутых на лекциях, менее известных произведений Стефана Цвейга, Карла Крауса и Роберта Музиля. Зная экзаменатора, можно было предположить подобный перевертыш! Вера прочла все, что было указано в библиографии, однако, как и большинство студентов, делала упор на изучаемые на курсе работы. В результате она не была уверена. В университете у нее установилось правило: оценка ниже 90 баллов требует пересдачи экзамена. За три года правило напомнило о себе один раз, похоже второе напоминание у порога. Она подошла к доске объявлений уточнить, на какое число назначен повторный экзамен, и, увидев 9 августа, расстроилась еще больше. Скорее всего, придется поменять рейс в Ханой, таким чудом ей доставшийся. Сделать это, конечно, будет проще простого, ведь найдутся десятки желающих. Чем больше она думала об этом, тем сильнее ей хотелось попасть в этот город. Несколько дней спустя она получила неожиданный результат – 93. Учитывая, что 95 баллов были для нее максимальной оценкой, это походило на чудо. Случайно встретив профессора в университетском кафе, Вера, услышав, что ее подготовка и нестандартное понимание произведений послужили приятным сюрпризом, испытала необычайное удовлетворение. Она была тронута и искренне поблагодарила за такое важное для нее мнение. Преподаватель добавила, что надеется видеть ее в следующем году на своем новом курсе и, пожелав удачных каникул, удалилась. Возвращаясь домой в приподнятом настроении, Вера думала о том, каким успешным был для нее год, а о более удачном окончании сессии она не могла и мечтать. Теперь, когда все результаты известны и необходимость в пересдаче отпала, она может посвятить последующие два с половиной месяца работе, а через неделю ее ждет Ханой.

За несколько дней до полета случилось неприятное: в первый раз за десять лет жизни в этой стране Вера умудрилась простыть летом в тридцатиградусную жару. У нее оставалось четыре выходных дня на выздоровление, и она упрямо отказалась менять Ханой на другой рейс. Подруга предложила ей взамен Торонто, но Вера стояла на своем – она уже знакома

с Канадой, и кто знает, выпадет ли повторная возможность побывать во Вьетнаме? И пусть она никогда не мечтала о поездке в эту страну, было бы глупо упускать такую возможность.

Вечером 7 августа, как обычно за два с половиной часа до отлета, у дома ее ждало такси. Попрошавшись с мамой, братом и котом, пообещав позвонить сразу после посадки, она вышла из дома. По пути в аэропорт Вера гадала: встретит ли на этот раз кого-то из знакомых. В компании «Isra Airlines» использовалась компьютерная система распределения полетов – постоянных экипажей не было, каждый раз поднимаясь на борт, приходилось знакомиться и работать с новыми людьми, а учитывая количество бортпроводников, высока была вероятность встретить случайного коллегу через год после единственного совместного полета. Вера, в отличие от многих, воспринимала это как один из плюсов работы. Она не очень любила тесные коллективы, особенно женские, ее утомляла необходимость выстраивать и поддерживать отношения в них. Предложенный компанией формат работы вполне отвечал ее требованиям, а после знакомства с отдельными представителями профессии она лишней раз убеждалась в том, как замечательно не иметь постоянных коллег. Ей вполне хватало прямого куратора, которого она выносила с трудом. К тому же было что-то особенно увлекательное в постоянном калейдоскопе людей и мест. Доехав за двадцать минут до аэропорта, Вера прошла в комнату для инструктора и, заняв место, огляделась. Ни одного знакомого лица. После распределения обязанностей и краткого объяснения о заполнении необходимых при прибытии документов экипаж направился к самолету.

В 20.05 по израильскому времени Боинг 777—200 ЕСВ, набрав скорость, оторвался от земли. Вера в последний раз взглянула на удаляющиеся огни и, расстегнув ремни, встала. Началась рутинная работа.

***

Ночные полеты всегда легче дневных: пассажиры отдыхают, не особо нуждаясь в стюардах. Дети спят. Тишина. Стоя на кухне, Вера почувствовала, как неприятно перчит в горле. Неудивительно, недомогания усиливаются в полетах. Через пять часов она прошла в комнату отдыха персонала и улыбнулась, вспомнив, как впервые увидела это место во время обучения на курсе. Небольшое замкнутое пространство напомнило ей катакомбу. Здесь, сказала она, даже неподозревающие, что такое клаустрофобия, почувствуют ее приближение, и добавила, что полностью исключает для себя отдых в этом жутковатом пространстве. Сегодня ее забавляла недавняя категоричность, ведь теперь она понимала, как важно иметь возможность передохнуть во время полета, а когда он длится более десяти часов, «катакомбы» перестают казаться столь пугающими.

Ханой встретил их ярким господствующим над городом солнцем, пронзительно голубым небом и раскаленным воздухом. Прибыв в гостиницу, Вера вновь почувствовала слабость. Простуда, казалось, отступившая дома, дала о себе знать после перелета. Поразмыслив немного, она решила отдохнуть несколько часов, а ближе к вечеру отправиться в город. Безумно жаль было терять драгоценное время, но необходимость восстановить силы для обратного полета вынуждала быть ответственной. Когда вечером спустившись в холл, Вера спросила консьержа о других членах экипажа, выяснилось, что они ушли днем и еще не вернулись. Она вызвала такси и поехала в город. Вера любила гулять по новым, незнакомым местам, часто без карты, открывая для себя город, словно новую книгу. Таксист высадил ее в очаровательном Старом квартале, улицы которого были переполнены людьми.

Несколько часов пролетели, как мгновение. Вера чувствовала себя маленькой девочкой, попавшей в страну чудес. Ее поражали улицы, люди, запахи, небольшие магазинчики, в которых ее ждали сюрпризы: яркие шелка, удивительные вышивки, необычные украшения. Покидая третий на ее пути магазин шелков, она увидела маленькую антикварную лавку и прошла

вовнутрь. Множество украшений, старинной посуды, серебряных приборов, вышивок, книг – крошечный клочок волшебного мира. Вера, как зачарованная, слушала похожего на доброго сказочника старика, с симпатией отмечая, с какой любовью рассказывает он истории словно оживающих вещей. И тут ее взгляд упал на необычную статуэтку: танцующая женщина в летящем кимоно, в грациозно поднятой руке – веер, причудливую конструкцию волос венчают украшения, а складки наряда, казалось, колышутся от движений... Она любовалась прекрасной работой мастера, сумевшего передать движение шелка, неповторимую грацию и, казалось, настроение женщины. В том, что это была настоящая женщина, а не шаблон, Вера не сомневалась – слишком много жизни было в ней, слишком личным был взгляд скульптора. Подойдя ближе, чтобы рассмотреть ее лицо, Вера отшатнулась: изящная головка наклонена набок, тонкие черты лица, широко распахнутые глаза и бегущая по щеке слеза. Казалось скульптору удалось замуровать в миниатюрной статуэтке боль танцовщицы... может, поэтому сквозь бронзу проступали отголоски жизни... «Любопытно, – подумала Вера, – что за история скрывается за этим сбросившим маску лицом?» Наблюдая за реакцией гостыи, старик думал о странной связи человека и предмета с историей, о том, как порой необычная вещь находит своего хозяина. Он рассказал, что статуэтке гейши около 70 лет, она попала к нему из Японии. Это все, что он знал. Вера не сомневалась, что не покинет магазин без дождавшейся ее печальной красавицы. Ее не смутила высокая цена, но владелец медлил.

– Вы не хотите с ней расстаться? – разочарованно произнесла Вера.

– Вы уверены, что хотите ее приобрести? – ответил он вопросом на вопрос.

– Абсолютно! Я даже торговаться не стану. Убедила?

– Я все равно сделаю Вам скидку. – Старик покачал головой и задумчиво произнес: – У нее странная энергетика, такое редко встречается... Энергетика горя.

– Это потому, что она живая!

– Возможно, Вы правы. Возраст сделал меня чересчур сентиментальным. Да, эта вещь по-настоящему Ваша.

Вера улыбнулась.

Они поговорили еще недолго, тепло попрощались. Задержавшись на пороге, старик провожал задумчивым взглядом грациозную девушку, пока та не затерялась в толпе. Ощущая тяжесть приобретенного сокровища, Вера поспешила поймать такси и вернуться в отель. Темнело.

***

Войдя в холл с ворохом пакетов в руках, она направилась к лифту.

– Вера! – ее окликнул незнакомый мужской голос.

Обернувшись, она увидела высокого молодого человека и, на секунду задумавшись, вспомнила, как во время полета, забежав в бизнес-класс за наушниками, поймала на себе его взгляд. Она без труда догадалась, кто он.

Каждый рейс компании сопровождали одетые в гражданское сотрудники службы безопасности – выходцы элитных израильских подразделений. Воздушные маршалы числились в списках пассажиров и летали бизнес-классом, оставаясь во время однодневных полетов невидимыми для новых сотрудников, работающих первое время в эконом-классе, до тех пор, пока не возникали требующие вмешательства ситуации. Разумеется, строго-настрого запрещалось здороваться с ними и хоть как-то намекать на их должность. Во время длительных рейсов, особенно ночных, стюарды обсуждали этих «незнакомых» пассажиров, называя имена и пересказывая связанные с ними слухи, таким образом происходило «знакомство». Ответственные за безопасность были молоды, нередко весьма привлекательны, и в отличие от распространенного стереотипа о романах между стюардессами и летчиками, именно они были фаворитами

«небесных» девушек. Летчики компании, за редким исключением вторых пилотов, были, как правило, людьми зрелыми, обремененными семьями, и выпускники отборных боевых спецподразделений с легкостью подхватили в прошлом «летную» эстафету. Романы, а часто просто ни к чему не обязывающие интрижки, завязывались во время совместного отдыха между перелетами в Китае, Индии, Таиланде и других экзотических уголках. Стоит отметить, что, несмотря на редко встречавшихся и зачастую незнакомых работников компании, сплетни разлетались со скоростью налетевшего цунами. Как только появлялось свободная минута, стюардессы принимались делиться новостями: где, кто, с кем и когда. Никому не известная из присутствующих Николь становилась предметом для обсуждений, а в будущем, встречая впервые ничего не подозревающую девушку, осведомленные коллеги вспоминали, что эта «та самая», чем незамедлительно делились с новыми знакомыми. Вера ненавидела подобные пересуды, прекрасно сознавая, как легко оклеветать человека, считала их делом отнюдь не безобидным. Не думая о последствиях, люди, развлекаясь, распространяли далеко нелестную и, по сути, никем не проверенную информацию, претерпевшую бог знает сколько интерпретаций, продолжая искренне полагать, что не делают ничего зазорного. Подобная обстановка способствовала тому, что нежелательная становится предметом пересудов, Вера вела себя крайне сдержанно, отстраненно и порой резко. К сожалению, это не всегда помогало: совсем недавно ее отчитывал, словно ребенка, куратор после того, как узнал, что пассажир уговаривал Веру принять двести долларов, когда она проносила пакет для пожертвования мелочи. В другой раз она получила выговор за то, что английский турист настойчиво предлагал ей визитную карточку. В подобных неприятных инцидентах, по словам куратора, была ее вина, так как она не сумела предотвратить ситуацию. Вера пыталась найти золотую середину: не обижать незаслуженно, не сторониться коллег и одновременно не превращаться в легкую мишень для сплетников.

– Мы знакомы? – Вера рассеянно смотрела на нового знакомого.

– Дан, мы вместе работаем. – Он улыбнулся, глядя на многочисленные пакеты: – Тебе помочь?

– Нет, спасибо.

– Я рад, что тебе лучше. – Она не успела удивиться его осведомленности. – Ты ужинала?

– Какой неожиданный вопрос! – с показным удивлением произнесла Вера.

«Не обедала, не ужинала и, честно говоря, умираю с голоду», – об этом она промолчала.

– А где остальные?

– Еще не вернулись.

Жаль. Вере понравились двое коллег, что было скорее исключением, и она была не против познакомиться с ними поближе. Она решила поужинать в ресторане отеля, а после незамедлительно вернуться к себе. Оставив покупки в комнате, Вера спустилась в ресторан, где ее ждал Дан. Он встал, когда она подошла к столу и отодвинул перед ней стул, чем приятно удивил Веру – среди молодых израильтян этот жест не был нормой. Понимая, что новый знакомый пытается произвести впечатление, она отметила, что очередной симпатичный секьюрити в поисках развлечений ошибся адресом и вот-вот поймет это. Вера была мастером в отказах.

Во время ужина они вели стандартный разговор и Вера, казалось, больше интересовалась незнакомым блюдом, чем собеседником. Она была вежлива, но подчеркнуто отстранена. Немного оживилась, услышав, что учатся они в одном университете. Странно, они ни разу не пересекались, несмотря на то, что Вера часто обедала в кафетерии юридического факультета, а познакомились здесь, в Ханое. Рассматривая нового знакомого, она думала, что он из тех, кто идет по жизни, отмечая галочки: элитные войска, престижный факультет, на который многие поступают, отдавая дань моде, в результате чего в стране в скором времени адвокатов будет больше, чем жителей. Он объективно привлекателен, о чем во время полета она услышала от стюардесс, а после без труда узнала его в бизнес-классе, и наверняка из тех, кто привык получать от жизни максимум, не прилагая особых усилий. Было в нем нечто избало-

ванное, беспечное... Впрочем, Вера вспомнила некоторые факты его биографии, в его случае это вполне объяснимо.

– Наконец-то удалось с тобой познакомиться, – он улыбнулся. – Я о тебе слышу уже несколько месяцев.

– В самом деле? И что же так долго обсуждают?

– Что ты красивая.

«Как пресно», – мысленно отметила Вера и поблагодарила – вежливо, формально. Ее никогда не трогали эти слова – мимолетная попытка констатировать весьма относительный и переменчивый факт. Осознавая собственную привлекательность, она не принадлежала к падким на комплименты женщинам, ей скорее доставляли удовольствие неконтролируемые эмоции и взгляды, искренние слова людей, которые не старались произвести на нее впечатление. В комплиментах равнодушных к ней мужчин она не искала объективности.

– Ты так привыкла к комплиментам, что они тебя утомляют? – наблюдая за ее реакцией, он не смог удержаться от этого полутверждения-полувопроса.

– Нет, не утомляют, чаще всего слова, не затрагивая, проходят фоном. К банальным да, привыкла.

– Прости за банальность.

– Разве можно прощать то, чего не замечаешь?

– Что нужно сделать, чтобы привлечь твое внимание? – в его голосе звучал нескрываемый интерес.

– Сделать, – она подчеркнуто повторила, – сделать. Без слов.

– Тебя нелегко удивить.

– Это очень проницательное наблюдение! Или об этом тоже говорят?

Вере становилось смешно.

– Подозреваю, тебе нравится заставлять мужчин вести себя по-идиотски, – ей явно удалось слегка пошатнуть его равновесие.

– Ну что ты, какое заставлять? Не умаляя человеческих достоинств – здесь необходим потенциал!

– Сложная ты, Вера.

– Да, не простая. Ты без труда найдешь несложных, не теряй зря времени. Экзотика вокруг, романтика, погода прекрасная...

– Мне нравятся сложности, – он смотрел на Веру и ловил себя на мысли, что от нее действительно трудно оторвать взгляд.

– Опять банальнее не бывает, – она вздохнула.

– Неудачное начало.

– Начало? – Вера улыбнулась. – Это не начало, это конец! Мне пора возвращаться в номер. Спасибо за компанию.

При выходе из ресторана она не заметила двух стюардесс – Моран и Лию, входящих в ресторан с внутреннего дворика.

– Вот и наша больная, – Лия усмехнулась. – Быстро пришла в себя.

Девушки подошли к Дану и сели за столик. Лия и Дан учились на одном факультете и были знакомы не первый год. Несколько минут спустя она вставила как бы между делом:

– Кстати, как раз сейчас Веру обсуждали – с ней училась моя подруга. О ней говорят, причем не только на работе, но и в универе, что она обращает внимание только на деньги, типичная голддигерша. Ты расскажи ей о своем отце, увидишь, как твои акции моментально взлетят.

***

«Зачем мне столько шелка?» – Вера ждала, когда наполнится ванна, и распаковывала купленные вещи. Накинув на плечи алый шарф, она рассматривала свое отражение в зеркале. Красный был ее любимым цветом, но именно этот редкий оттенок цвета крови подошел ей идеально. Было что-то мистическое в этом алом кровавом пятне. Глаза, цвет волос и кожа выглядели необыкновенно выразительно под его переливами. А ведь там была блузка такого же цвета. Она непременно должна завтра же купить ее! Вот только бы вспомнить дорогу к магазину...

Прежде чем упаковать статуэтку в чемодан, она на прощание открыла тяжелую деревянную коробку и застыла не в силах отвести взгляд. Через минуту бронзовая красавица стояла на комодe напротив кровати. «До отъезда поживешь здесь», – прошептала Вера. Рядом со статуэткой заняли место многочисленные баночки с кремами – вечные спутники Веры в бесконечных поездках, ароматизированная свеча, которую она возила с собой для создания уюта и никогда не зажигала, крошечные флакончики парфюмов. На прикроватную тумбочку легла книга, а лисенок Лучик, ее верный сопровождающий во всех без исключения поездках с раннего детства, наконец-то переключался из сумки в кровать. Наполнившись знакомыми вещами, пространство, перестав казаться безликим, гостеприимно приняло путешественницу. На пороге ванной комнаты ее остановил стук в дверь. Старшая стюардесса Ирит зашла справиться о самочувствии младшей коллеги. Ирит работала в бизнес-классе, потому с Верой во время полета они успели обменяться лишь парой фраз. Она была подчеркнуто вежлива, что выдавало не искреннюю заботу, а необходимость действовать, следуя протоколу. Порой Вере казалось, что компания перегибает палку прописным сводом правил. Заметив покупки, Ирит задержалась в гостях на несколько минут, сменив профессиональную вежливость на заинтересованность. Вера показала шелковые приобретения и поделилась местонахождением магазинов. Статуэтка, моментально приковав к себе внимание, равнодушно выслушала очередную порцию восторгов. Ирит рассказала, что пока Вера отдыхала, они побывали на озере Возвращенного меча и посмотрели представление кукольного театра на воде. Она советовала обязательно посетить это место. Вера узнала, что стюарды, как всегда, разделились на группы: сегодня часть времени все провели вместе, а на завтра и послезавтра планы разошлись. К счастью, Вера не получила приглашения присоединиться к компании Ирит, что в общем-то было объяснимо – опытные сотрудники, как правило, были знакомы и большую часть времени проводили вместе. Старший стюард – Таль, приятель Ирит, был куратором Вериной подруги, и, будучи наслышана о его характере и мерзких выходках, Вера предпочитала, во избежание конфликтов, свести все возможные контакты к минимуму. К старшим стюардам относилась и Лия, чью недоброжелательность Вера ощутила с первой минуты знакомства. Лия с подругой Моран пытались свалить на нее не очень приятную работу, но Вера давно научилась ставить на место подобных девиц. В итоге они, разделив обязанности, старались не обращаться друг к другу без необходимости. Эти двое олицетворяли все то, что она так не любила: зависть, подлость, сплетни, стукачество. А вот с Шели и Ноамом у нее моментально наладился контакт: они здорово помогали и подстраховывали друг друга во время работы. Сейчас, когда те откололись от основной группы, Вера была не прочь присоединиться к ним, но они до сих пор не вернулись, и она отметила, что если разминется с ними утром, придется продолжить знакомство с городом в одиночестве.

Горячая ванна – об этом необходимом восстановлении сил после длительных перелетов Вера начинала мечтать в последние часы в воздухе. В эти долгожданные минуты заслуженного отдыха она испытывала наслаждение, нежась в теплой воде. Какой бы не была разница часовых поясов и сложный полет, успокаивающая и убаюкивающая пена служила неизменным проводником в царство Сомна. Мышцы расслабились, и дикая усталость окружила ее плотным кольцом. Перед тем, как лечь в постель, она, задержавшись у зеркала, провела рутинный

ежевечерний ритуал ухода за кожей, которому следовала фанатично, понимая необходимость предотвращать последствия сотен проведенных в воздухе часов.

Засыпая, Вера поймала себя на мысли, что темнота этого города отличается от знакомой домашней темноты. Из царства сна ее резко вырвал телефонный звонок. Нежеланный звонок перетек в незнакомый мужской голос. Голос интересовался ее самочувствием.

– Что-то случилось? – взволнованно спросила Вера, в сонном сознании которой промелькнула мысль о возможных неприятных причинах ночных звонков.

– Нет, нет, – поторопился успокоить голос, – я просто хотел узнать, как ты себя чувствуешь.

– До того, как вы меня разбудили, я чувствовала себя гораздо лучше, – ей не удавалось собраться с мыслями.

– Извини, – голос был явно растерян, – я звонил раньше, но не смог тебя застать.

– Это был верный признак того, что я не лежу при смерти. Спасибо, что решили убедиться лично. Спокойной ночи! – она устало положила трубку.

Несколько минут спустя раздосадованная Вера, окончательно проснувшись, включила свет и посмотрела на часы – 23:47, а ей казалось, что стоит глубокая ночь. Она подошла к окну и долго смотрела на усыпанное звездами небо. Совершенно сказочное небо. «Смотри, какая красота», – она поднесла к окну лисенка Лучика. Взгляд упал на телефон, и Вера неожиданно поняла, что не поинтересовалась, кого беспокоило ее здоровье этой жаркой летней ночью.

***

В шесть утра зазвенел будильник. Чувствуя слабость, Вера никак не могла проснуться и, решив украсть у утра лишний час, закрыла глаза. Ее разбудили гуляющие по комнате лучи солнца и доносящийся с улицы шум. Взглянув на часы, она немедленно вскочила с кровати – 8:10. Прежде чем спуститься, постучала в номера Шели и Ноама, но, как и предполагала, никого не застала. Не теряя времени, они, скорее всего, ушли рано утром. В холле ее окликнул уже знакомый голос.

– Доброе утро, – Дан был явно рад ее видеть.

– Привет, – Вера улыбнулась и огляделась. – Неужели не одна я начинаю день так поздно?

– Не одна, мы с Лией и Моран тебя ждем.

– Скажи мне, что с вами меня ждет Таль и мое счастье будет полным! – Вера не смогла сдержаться.

– Вижу у вас очень теплые отношения, – он улыбнулся. – Все ушли час назад.

– У нас, – холодно подчеркнула она, – нет никаких отношений. Я их в первый раз вижу.

– Иногда этого вполне достаточно.

Вера рассердилась на себя за несдержанность. Это было не к месту и явно ни с тем человеком. Она не догадывалась, что, наблюдая за ней во время работы, Дан заметил, как порой непросто складываются ее отношения с коллегами. Брошенные накануне Лией слова неприятно поразили его, и сейчас, наблюдая за спонтанной реакцией Веры, он понял, что, возможно, даже будучи неосведомленной о конкретных пересудах, она неплохо разбирается в людях, отдавая себе отчет, как в природе обуревающих их эмоций, так и в возможных их последствиях. Ее выбор держаться подальше от некоторых членов экипажа был продиктован не высокомерием, которое, как он не раз слышал за последние сутки, ей приписывали, а вынужденной необходимостью. В отношениях с мужчинами-стюардами, подобными Талю, все было чересчур предсказуемо: получив минимальную власть, они нередко пытались продемонстрировать собственную значимость перед коллегами женского пола, которые крайне редко обращали на них внимание. Вера порождала в мужчинах повышенное желание утвердиться в ее глазах, чего те добивались в силу собственного уровня и возможностей. Нелепые попытки кол-

лег покровительствовать ей вызывали в ответ лишь недоумение и снисходительную улыбку. Чем равнодушнее и высокомернее казалась им Вера, тем больше агрессии пробуждала. Она была необычной девушкой, Дан с удивлением отмечал, как перед ее изяществом, воспитанностью и гордой осанкой многие терялись и, испытывая дискомфорт, злились. Первое впечатление, произведенное ее внешними данными, многократно усиливалось, когда она начинала говорить, двигаться, просто смотреть. Он с интересом наблюдал во время вчерашнего ужина, как отстраненная собеседница без малейших усилий, словно не отдавая в этом отчет, завораживает и приковывает взгляды. В ней не было кокетства, нарочитой сексуальности, желания нравиться, а было нечто неуловимое... он не мог сформулировать, но совершенно точно осознавал, что никогда прежде не встречал девушки, наделенной этим странным талантом. Она поглощала неосторожных жертв, подобно не поддающейся контролю и законам логики стихии, манящей и жестокой в своей непосредственности. Вероятно этим, подумал он, объясняется тот факт, что сама того не желая, она пробуждает сильные, противоречивые эмоции: женскую зависть, бессильную агрессию мужчин и искреннюю симпатию тех, в ком находили отклик ее неординарность и мягкая, неагрессивная цельность.

Для Веры, имея она возможность заглянуть в мысли нового знакомого, его пронизательность явилась бы приятным сюрпризом, а произведенное впечатление доставило скорее легкий дискомфорт, чем польстило самолюбию. Она относилась к себе с завидной долей самоиронии и, всякий раз сталкиваясь с очередной, на ее взгляд, неадекватной реакцией, искренне недоумевала. Momentами ее напрягало производимое впечатление и его последствия, и она, как ей казалось, нашла этому верное объяснение: на ее жизненном пути то и дело возникали испытывающие потребность в чем-то необычном люди, которые умудрялись превратить ее, чьи внешность и манера держаться соответствовали их представлениям, в главную героиню вымышленной ими истории, в плод фантазии, не имеющей никакого отношения к реальной Вере. Ей было проще так думать, ведь быть придуманным персонажем легче, чем стихийной точкой притяжения.

– Почему ты не поехал с остальными? – за завтраком Вера задала риторический вопрос, за реакцией на который ей вдруг захотелось понаблюдать.

– Ждал тебя, – он произнес это настолько естественно, словно другого ответа на этот вопрос не существовало.

– Но мы не договаривались, – сделав короткую паузу, она продолжила, – и скорее всего наши планы не совпадают. Если не ошибаюсь, все, кроме меня, посетили озеро Хо Хоан Кием и водный кукольный театр, а я собираюсь наверстать упущенное. Жаль, ты потерял время.

– Я бы потерял время, не увидев тебя. И потом, – он попытался сказать это максимально серьезно, – мне так понравился театр Тханг Лонг, что я обязан посетить его еще раз.

– Так понравился, что не досидел до конца? – улыбнулась Вера.

– Я знал, что вернусь сегодня с тобой. – И удивленно добавил: – Не подозревал, что у вас так работает «разведка».

– Не недооценивай чужие способности. И потом, ты думал только меня обсуждают? – Вера задумчиво смотрела на собеседника. – О тебе тоже волей-неволей узнаешь много интересного.

– Волей-неволей, – он улыбнулся.

– Что поделаешь, – Вера вздохнула, – издержки замкнутого пространства.

– Не обращай внимания, слухи чаще характеризуют обсуждающих, а не объект обсуждения.

– Это так. – Она посмотрела на часы. – Во сколько начинается представление?

– В половину четвертого. Как видишь, наши планы совпадают больше, чем тебе кажется. Я тебя приглашаю. – Увидев ее нерешительность, добавил: – Если откажешься, просто прими билет.

– Спасибо, – ей начинало imponировать его поведение. – Раз там мы встретимся в любом случае, можем пойти вместе. А пока...

– Как тебе идея посмотреть деревню Лемат? Любопытное место. У нас как раз есть время.

– Я не люблю змей! – Вера поморщилась. – Честно говоря, мне хочется отдохнуть от коллег, а они, готова поспорить, там! – И, смутившись, пробормотала: – Ужас, я сегодня несу много лишнего.

– Ты просто устала, – ее непосредственность приятно удивила его. – Но учти, завтра съездить мы вряд ли успеем, ты рискуешь покинуть страну, не попробовав змеиных блюд.

– Я вегетарианка. Что мешает тебе отправиться за ядовитыми блюдами в одиночестве?

– Если не возражаешь, я предпочту твоё общество обществу змей.

– Голддигерши не отказываются от таких предложений, – произнесла Вера нарочито деловым тоном и, наблюдая за его реакцией, кивнула. – Да, я знаю. Как заинтересованное лицо я не могла пропустить столь важную информацию!

– Заинтересованное лицо, – ее приятно удивили его сарказм и спокойная уверенность, – деньги дают некоторые преимущества, даже когда они заработаны не тобой. Спасибо, папа!

– Не боишься связаться с голддигершей? – Вера еле сдерживала смех.

– Я очень хочу связаться с тобой.

***

Знакомство с городом началось для Веры с центральной площади Бадинь и ее «жителями»: мавзолеем Хо Ши Мина, президентским дворцом и расположенной неподалеку, в центре небольшого пруда, Пагодой, стоящей на одной колонне – Мот Кот. Прогулявшись по французскому кварталу, они направились к Храму Литературы Ван Миеу. Вера, как ей казалось, подготовилась к поездке, но в отличие от собранной ею поверхностной туристической информации рассказы ее спутника выдавали человека, чьи знания подкреплены серьезной базой. О городе, истории, традициях и достопримечательностях он рассказывал увлеченно и в таких деталях, что, наконец, не выдержав, Вера поинтересовалась источником знаний.

– У вас можно записаться на один курс с другого факультета?

Вера кивнула.

– Возьми курс по истории и культуре Юго-Восточной Азии, узнаешь много интересного.

– И вместо того, чтобы сказать об этом с самого начала, ты слушал мои потуги про Хо Ши Мина и уточнял подробности его жизни... – Вера засмеялась. – Я выглядела нелепо. Ты мне мстил за вчерашнее!?

– Мне нравится тебя слушать, даже когда ты говоришь про Хо Ши Мина.

– Не отклоняйся от темы, – Вера поспешила отвернуться. – Что обозначают эти иероглифы?

Наконец, по самой короткой в городе улочке Хо Хоан Кием они прошли к озеру Возвращенного меча. Знаменитая Черепаший башня, построенная на островке посреди озера, казалась Вере знакомой, так часто она рассматривала ее изображение в ожидании поездки. Старинная башня, подобно драгоценности, сверкала в лучах ласкающего ее солнца, отражаясь в воде, словно ожившая картинка Вериного воображения. По красному мосту Тхе Хук они прошли в храм Нефритовой горы – Нгок Шон, где Вера, с интересом слушая рассказы Дана о символике архитектуры, значении каждого изображения и иероглифа, с удовлетворением отметила, как повезло ей с «гидом». Невольно поморщившись, глядя на мумию гигантской черепахи, она со смехом признала, что черепаший сосед – красный конь – ей более по душе. Присев на корточки на берегу озера, она вскрикнула от неожиданности, заметив в воде черепаху... «Это на удачу», – обрадовал ее Дан.

Красота этого места потрясла Веру, ей казалось – она видит один из самых прекрасных и необычных пейзажей в своей жизни. Во время прогулки по парку полил ливень, яростней которого Вера не встречала прежде. Сидя в беседке, слегка промокшая девушка заворуженно слушала шум дождя, наблюдая за тем, как летящие с неба капли соединяются с зеркально-изумрудной гладью озера.

Помимо поразивших ее деревьев лок вынг на берегу озера Вера с удивлением обнаружила плакучие ивы – эти деревья росли в городе ее детства. В те годы живые существа, легенда о которых тронула сердце маленькой Веры, казались ей трагическими, и девочка относилась к ним с особой нежностью. В новой стране ивы сменили пальмы, не вызывающие у нее никаких эмоций. Эта встреча невольно напомнила ей детство, счастливое и безмятежное время и дом, который она иногда вспоминала. Летний дождь, Вера улыбнулась, еще один привет из прошлого. Ее мысли унеслись в последнее лето, проведенное в старом доме: тоненькая девочка с длинными волосами, смеясь, бежит под теплым дождем с младшим братом и всматривается в небо в ожидании радуги. Она снова вдыхала запах травы после дождя и слышала детский смех, свой смех. Мягким прикосновением ласкала ее давно ушедшая беззаботность. Она выросла, сменив ивы на пальмы, летние дожди на палящее солнце, оставив в прежней жизни детскую безмятежность. В эти минуты, отгородившись от окружающей действительности, она погрузилась в свой мир и на застывшем лице проступили необыкновенные мягкость и нежность.

Наблюдая эту отстраненность, Дан пытался понять, что за мир тщательно скрыт от посторонних глаз за ее красотой. Этот мир, пробуждая любопытство, притягивал его. Внимательно всматриваясь в красивое лицо, он с удивлением обнаруживал, как причудливо сплелись в ней сильный характер и почти детская беззащитность, яркая женственность и трогательная ранимость. В эти минуты она казалась именно такой: нежной, ранимой и по-детски хрупкой. Ее хотелось защищать, оберегать, любить. Странно, думал он, никто не пробуждал в нем подобных чувств, а сейчас, помимо воли, его, словно водоворот, затягивает эта необычная девушка, не оставляя никаких шансов на отступление. Застывшее лицо Веры казалось восковым, и только в огромных глазах светилась пронзительная нежность. Наконец, почувствовав на себе его взгляд, она, словно возвращаясь, вздохнула. Лицо обрело прежнее выражение. Улыбнувшись, сказала, что вспомнила детство. В эту секунду Дан с некой фатальной неизбежностью осознал, что никогда не забудет этот день, этот дождь, эту беседку и лицо этой девушки.

Дождь прекратился. Легкий ветерок доносил аромат цветов, травы и пропитанной дождем земли. Свежесть, ворвавшись в жаркий воздух августовского дня, принесла долгожданное облегчение жителям города. Небо пронзила необыкновенно яркая по интенсивности красок тройная радуга. Она впадала в озеро и поднималась ввысь идеальным полукругом, рождая иллюзию эфемерного сотворенного гениальным художником сияния. Фантастическая красота, триумф красок казались скорее плодом воображения, а не природным явлением. Озеро, храм, небо были словно вырваны из другой реальности.

– Ради одной этой радуги стоило приехать сюда, – тихо произнесла Вера.

– Здесь редкой красоты радуги, закаты и рассветы, – согласился Дан.

– Ты не в первый раз во Вьетнаме?

– Во второй.

– Закаты, рассветы, – Вера улыбнулась, – рискну предположить, ты в хорошей компании приезжал сюда в прошлый раз.

– Я и сейчас не жалею, – он смотрел ей в глаза, и этот взгляд смущал ее.

– На этот раз тебе придется довольствоваться радугой.

– И закатом. На этот раз, – подчеркнул он.

Его самоуверенность начинала злить Веру.

– Закатом? «На этот раз»? Ты оптимист! – в ее голосе скользила откровенная насмешка.

– Скорее реалист, – опять этот спокойный, уверенный голос.

– Организуй-ка себе рассвет пока не поздно, реалист!

– Предлагаешь разбудить тебя ночью? – с полной серьезностью ответил он. – Вера, не забывай, что тебе завтра работать.

– Ты чересчур самоуверен! – Вера смотрела в смеющиеся глаза и чувствовала, что еще чуть-чуть и ему удастся вывести ее из себя. – В отличие от некоторых я в твоём списке претенденток на рассветы не числюсь. Не трать время зря! Ханой вот-вот подойдет к концу.

– Ты неверно поняла. – Нет, ей не показалось, он еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. – Я имел в виду разбудить тебя телефонным звонком, если тебе действительно хочется посмотреть рассвет.

«Ужас! – Вера вспыхнула и резко отвернулась. – Веду себя сегодня, как дура в кубе».

Дан с любопытством наблюдал за ее реакцией, удивленный тем, как оказалось несложно смутить эту снежную королеву. Через минуту она смотрела на него и улыбалась. Огромные глаза гипнотизировали, а мягкий, очень тихий голос проворковал:

– Спасибо! Разбуди! Я очень-очень хочу увидеть рассвет. И извини за абсурдные нападки.

«Попался», – констатировала Вера. Она с удовольствием отметила, что в его взгляде не осталось и следа самоуверенности, которую она наблюдала минуту назад. Теперь в нем читалось то, что ей хотелось видеть. Почувствовав себя хозяйкой положения, Вера удовлетворенно вздохнула. «Закаты, рассветы, – думала она, поднимаясь на мостик, – „на этот раз“, „разбудить тебя ночью“... Я тебе устрою рассвет, реалист». Вера осознавала всю инфантильность задуманной выходки, зато завтра утром они будут квиты.

***

По пути к ресторану они неожиданно столкнулись с Шели и Ноамом.

– Наконец-то, мы тебя нашли, – Ноам был явно рад видеть не только Веру. – Когда мы вчера вернулись, ты спала, утром стучали, ты не ответила, и мы решили, что разминулись с тобой.

– Кстати, – Вера вспомнила вчерашний звонок, – это не ты звонил мне поздно вечером?

– Нет, – Ноам с любопытством смотрел на нее. – Ты не узнала голос?

Вера отрицательно покачала головой и пробормотала:

– Интересно, кто бы это мог быть!

– А ты подумай, – Дан улыбнулся, – вспомни про метод исключения в конце концов.

– Твой голос я бы узнала, – Вера задумалась, – голос Таля тоже. Кто еще?

– Напрягись. Сконцентрируйся, это очень сложная математическая задача!

– Никогда не любила математику! – опять он ее злит.

– Учитывая, что в экипаже пятеро мужчин, трое из которых отпадают, это без сомнения математика! – Дана эта ситуация явно забавляла.

– Может, это был не мужчина, а женщина с мужским голосом, – попыталась съязвить Вера. – Жизнь не математика.

– Вера! – Ноам посмотрел на нее с удивлением. – Даже я уже понял! Какая ты рассеянная.

– Я тоже поняла, – в ее голосе звучало неподдельное сомнение. – Кажется.

– Кажется! – глядя на Дана, Вера закипала. Вот опять он едва сдерживает смех.

– Смешно? – с издевкой бросила она. – Может, у меня на твоих глазах мечта сбывается, может, это судьба!

– Не может. Хочешь, чтобы я ревновал? Это многообещающее начало, – он посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

– Твоя самоуверенность начинает утомлять! – Вера отметила, как фальшиво звучит равнодушие в голосе, и подумала, что раздражение, которое она испытывает, вписалось бы более органично.

– Вера, кажется, я тебе нравлюсь, – таким тоном объясняют детям сколько будет дважды два.

– Ты забываешься, что, кстати, норма для таких, как ты! – ему удалось окончательно вывести ее из себя.

– «Таких, как ты»? – с неким недоумением проговорил он.

– И тут я должна начать перечислять твои достоинства?! – Вера понимала, что рискует наговорить лишнего, но не смогла остановиться. – Я, может, и дура, но не совсем клиническая. В гостиницу, возможно, уже вернулись готовые развить эту тему.

– Вера, – он смотрел на нее с насмешкой, – не разочаровывай меня. То, что ты собиралась сказать, банально даже для очень шаблонной девушки.

– Я не об этом, – Вера осеклась, – а о том, что такие, как ты, не привыкли напрягаться.

– Мы не мешаем? – Ноам с интересом наблюдал за происходящим.

Вера, посмотрев на него и Шели, в растерянности отвернулась. Ее реакция обернулась сюрпризом для нее самой. Она всегда старалась держать себя в руках, контролировать эмоции и слова, а сейчас ее словно прорвало: «Даже в детстве я нечасто вела себя столь инфантильно. Может, на меня так действует воздух этой страны или новолуние? Глупое бабское поведение». Объективности ради ей пришлось признать, что Дан не виноват, никто не виноват в ее несдержанности, кроме нее самой. Ей было стыдно перед невольными свидетелями сцены, а главное – стыдно перед собой.

– Не мешаете, – она была почти спокойна, – этого больше не повторится.

– Жаль, – Ноам вздохнул. – Очень непривычно было видеть тебя в этой роли, такая леди превращается в итальянскую домохозяйку. Тебе идет. А какой эффект! Я возьму себе на заметку.

Вера улыбнулась. Ноам умел непринужденно разрядить обстановку, за что с первой минуты завоевал ее симпатию. Они вошли в ресторан, и он, остановившись на секунду рядом с Верой, шепнул ей на ухо: «Я умудрился пропустить самое интересное! – Посмотрел в сторону Дана и добавил с улыбкой: – Было бы странно, если бы он не был избалован, но я поставлю на тебя».

Во время обеда Ноам шутил, Дан вел себя, словно ничего не произошло, и только Вера испытывала дискомфорт, который усиленно скрывала. Шели говорила мало и смущалась всякий раз, случайно встретившись взглядом с Даном. Вера симпатизировала интеллигентной, приветливой и застенчивой девушке, чья увлеченность Даном не ускользнула от нее во время полета: всякий раз, когда его имя всплывало в обсуждениях Лии, Моран и Таля, реакция Шели моментально выдавала ее. Глубокой ночью во время отдыха в «катакомбе» Шели поделилась с Верой своими переживаниями и надеждами, рассказав, что за семь месяцев работы в компании она в третий раз распределена с ним в полет «с остановкой», но он всегда кем-то или чем-то занят. Познакомившись, девушки мгновенно почувствовали взаимную симпатию, потому Вере особенно хотелось подбодрить ее, но она нередко терялась в подобных ситуациях.

– Возможно, он не ищет ничего серьезного, – сказала она, – а по тебе сразу видно, что ты девушка не для пикапов.

– Скорее я не в его вкусе, – Шели погрустнела. – Вера, он у нас лекцию о безопасности на курсе читал. Ты бы видела, с какой готовностью все бросились отвечать на вопросы!

– У нас тоже лекцию похожий тип читал, – со смехом вспомнила Вера. – Зашел, все рты раскрыли, некоторые в прямом смысле. Они их специально подбирают, не иначе. Честно говоря, я ничего особенного не увидела, но народ мне объяснил, что я отсталая.

– Дан потом встречался недолго с Мири с нашего курса, знаешь, блондинка такая? Как она к нему прилипла...

– Прямо на курсе?

Шели подтвердила.

– Ничего себе пикапер! У таких, как у моряков, в каждом порту – девица.

– Просто у него нет серьезных отношений, вот он и...

– Понимаю. И не осуждаю. – Вера на секунду задумалась и добавила: – Скажу тебе больше, будь я мужчиной и имей такие возможности, наверное, вела бы себя точно так же. Беда в том, что в нашем заповеднике дичь сама подходит и ест с рук, и у них быстро атрофируются охотничьи инстинкты. А вот инстинкт «брат» достигает апогея. Это, Шели, жуть как скучно. Подумай, стоит ли игра свеч.

– Стоит, – Шели с уверенностью кивнула, – поверь мне.

– Ну тогда, удачи! – Вера улыбнулась. – Буду держать за тебя кулаки.

«Мужчины, – подумала она, наблюдая за тем, как Шели в очередной раз украдкой посмотрела на Дана, – не понимают своего счастья. Сломя голову бросаются на все яркое, как быки на красную тряпку». Она испытывала дискомфорт, осознавая, что в очередной поездке, на которую Шели возлагала надежды, невольно стала новым увлечением Дана. Вера отчетливо понимала, что чувство это лишено здравого смысла, так как причина несбыточных планов девушки заключалась в объекте симпатии, а не в его мимолетных пассиях. И все же, ей было неловко, после оказанного доверия, на глазах у Шели принимать его ухаживания.

– Мы были в Ханой-Хилтон, – рассказывал Ноам. – Не ходите туда, совсем не романтическое место.

– У меня нет ни малейшего желания тратить время на тюрьму. А вот тебе, – она обратилась к Дану, – сходить, думаю, стоит.

– Спасибо, мне вполне хватило одного раза. В прошлую поездку.

Когда они вышли из ресторана, до начала спектакля кукольного театра оставался почти час. Вера пригласила Ноама и Шели прогуляться с ними по парку. Через несколько минут, спохватившись, вспомнила о забытой в ресторане записной книжке и потянула Ноама за руку:

– Вернись со мной, ты быстро находишь пропажи. Не ждите нас, – она обратилась к Шели и Дану, – лучше спускайтесь к берегу. Мы вас быстро догоним, – и, не дав никому опомниться, увлекла Ноама за собой.

– Ты что делаешь? – услышала она, как только они отделились на безопасное расстояние. Ноам смотрел на нее укоризненно. – Напрасно ты это!

– Что «это»? – Вера пожалала плечами. – Мы идем искать мой еженедельник.

– Мы его обязательно найдем... в твоей сумке.

– Ты же заметил, как Дан нравится Шели, – Вера поняла, что увливать бессмысленно. – Все заметили!

– Мне тоже нравится Дан. В следующий раз оставь нас наедине, пожалуйста!

– Не смешно! Ты прекрасно знаешь, что он не играет на твоей стороне поля.

– И что? Он не играет в одной команде с Шели, тут ничего не поделаешь.

– Что значит «что»? Она надеялась познакомиться с ним поближе, а тут я... Вот у нее появился шанс.

– Познакомиться с ним «поближе» у нее шанса нет. Поэтому я говорю, что зря ты это.

– Тогда пусть поскорее убедится, что глупо тратить на него время.

– А ты думаешь, она не поняла, наблюдая вашу «семейную» ссору? Или ты не замечаешь, как он на тебя смотрит?

– Ты преувеличиваешь, – Вера отмахнулась.

– Шели не выглядит душой и, поверь мне, расшифровать происходящее для нее не составило труда. Ты испытывала неловкость и решила доказать, что не хотела ей мешать. В итоге

поставила ее в глупую ситуацию. Как, по-твоему, она должна чувствовать себя сейчас, когда все видит и все понимает? Поверь, ей меньше всего хотелось остаться с ним наедине.

– Возможно... – Вера сконфуженно смотрела на него. – Но есть шанс, что она ему понравится и в будущем он обратит на нее внимание.

– В каком будущем? – обхватив Веру за талию, Ноам повернул ее в обратную сторону и, не отпуская, повел за собой. – В будущем у вас с ним все будет хорошо.

– Давно занимаешься предсказаниями? Каков процент попаданий? – с сарказмом уточнила она.

– Вера, – Ноам откинул прядь волос, упавшую на ее лицо, и с теплотой произнес, – ты, оказывается, такой ребенок! Ты настолько женщина-женщина, что превращаешься моментами в детский сад. Когда такая девушка, как ты, начинает вести себя подобным образом, это серьезно!

– Слава Богу, это случается крайне редко, – Вера грустно улыбнулась. – Я совсем не влюбчива и привыкла вызывать эмоции, а не испытывать их.

– Это пройдет, – он с нежностью смотрел на нее. – Не теряй времени зря, Вера. Жизнь – короткая штука, живи на полной скорости. Если по твоей вине у вас не сложится история, ты будешь жалеть. Не знаю, какой у этой истории конец, но точно знаю, что будет много хорошего.

– Почему я с тобой откровенничаю? – Вера сама себе удивлялась, она всегда была довольно закрытым человеком.

– Потому, что я очень хорошо чувствую женщин и моя симпатия неопасна. К тебе у меня с первой минуты особое отношение. Ты, как произведение искусства, а я люблю красоту.

– Ты мне льстишь, – Вера вздохнула. – Кстати, ты обещал показать эскизы своих моделей. Ноам учился в самой известной в стране академии дизайна «Шенкар».

– Покажу. Но не пытайся сменить тему. Мы говорим о тебе.

– Обо мне мы поговорили достаточно. – Она огляделась. – Ну и куда они делись?

– Давай побыстрее их найдем. И не глупи, Вера, вы очень красивая пара.

– Мы не пара, – Вера покачала головой. – В нем полно качеств, которые я терпеть не могу: он самоуверенный, избалованный, папенькин сынок, потребитель.

– В переводе это звучит так: он уверенный в себе, из очень обеспеченной семьи, пользуется успехом у женщин. Идеальная пара для тебя. Молодой, красивый, состоятельный... Чего еще желать?

– У тебя все слишком просто.

– Все слишком просто, Вера, если не задаваться целью усложнять жизнь. Чем ты и занимаешься.

Какое-то время они шли молча. Вера обдумала услышанное и не смогла не признать, что в чем-то Ноам определенно прав. Она с удивлением обнаружила: ей нравится Дан... более того: ему удалось разбудить в ней эмоции – живые, неконтролируемые. Вера привыкла к вниманию мужчин, а также к эмоциональной невовлеченности в подобного рода переживания. Не покидая зоны собственного комфорта она, оставаясь равнодушной и неприступной, вызывала сильные чувства. В нее влюблялись всерьез и надолго, и моментами ей становилось жаль своих «жертв». Когда-то в юности Веру заботливо предупредила одна весьма странная дама, что энергетика чужих переживаний может негативно сказаться на ее жизни. Эти слова, к которым она не отнеслась всерьез, умудрились оставить неприятный осадок. Порой, наблюдая за влюбчивыми знакомыми, переживающими роман за романом, Вера чувствовала себя снежной королевой, неспособной испытывать не только любовь, но и банальную влюбленность и даже мимолетную заинтересованность. Моментами ей начинало казаться, что в этом есть некая обездоленность и природная ограниченность, превращающая ее в эмоционального инвалида. Она хотела чувствовать и вместе с тем боялась утратить привычный контроль. Вот сейчас, думала она, на нее, как снег на голову, свалился этот Дан, и она оказалась настолько

не готова к моментально вспыхнувшему интересу, что, ощущая как привычная почва уходит из-под ног и подсознательно силясь удержаться на привычном клочке суши, начала вести себя нелепо. Вера улыбнулась, представив, какой эффект вызывает контраст между отстраненной и холодной девушкой и той, которую неожиданно открывает для себя несчастный, пробудивший ее интерес. Надо взять себя в руки, решила она. Теперь, когда она поняла, что он ей нравится, остается решить, что с этим делать.

– Вот, кажется, и они, – голос Ноама прервал ее мысли. – Посмотри, она напряжена, а ему хоть бы что! Я был прав, Вера.

– Я хотела, как лучше. Сейчас по-настоящему начинаю чувствовать себя виноватой.

– Ерунда, веди себя естественно. Главное, сгладить ситуацию.

– Давай поужинаем все вместе, – предложила Вера. – Да, так будет лучше всего.

– Если хочешь. И в шумном месте. Тебе, правда, не стоит проводить все время только с ним, если ты не готова к очередной порции сплетен. Посидим часок в компании, тогда это не будет так бросаться в глаза.

Вера согласно кивнула. Ей не хотелось оставаться с ним вечером наедине, она испытывала необходимость в передышке, а он, словно понимая это, становился все самоувереннее. Такими темпами, сказала себе она, новый знакомый вскоре почувствует себя хозяином положения. Этого Вера допускать не намеривалась.

Попрощавшись с Шели и Ноамом и согласовав планы на вечер, они направились к театру. Вера молчала, думая о Шели. Неужели она, искренне желая помочь, доставила ей неприятные минуты? Менее всего она хотела ранить девушку, которой искренне симпатизировала.

– Вера, не поступай так больше.

Резкость, с которой он произнес эту фразу, покорила ее.

– Не понимаю о чем ты, – прозвучал в ответ удивленный голос, – я всего лишь забыла еженедельник.

– Не стоит так явно пытаться организовать мне рассвет. Я сам при желании справлюсь, – резкость сменилась насмешливостью, – положись на меня.

– Какой рассвет?! – Вера чувствовала, как снова закипает. – Шели не для рассветов девушка!

– В смысле не для рассветов? – опять в голосе скользит неприкрытая насмешка. – Не любит рано вставать?

– В смысле, не для рассветов со случайными знакомыми!!! Странно, что ты этого не понимаешь!

– Это какой-то мазохизм на любителя – рассветы со случайными знакомыми. Странно, что этого не понимаешь ты.

– Не понимаю, – упрямо произнесла Вера. – Если со случайными знакомыми бывают радуги, закаты, то почему не может быть рассвета?

– Действительно, почему? – он улыбнулся. – Это не математическая задача, ты справишься... Я в тебя верю.

Вера думала как бы съязвить, когда ее внимание привлекла пара молодоженов: девушка в свадебном платье выпускала белых голубей. Жених в костюме пингвина старательно улыбался. Всю эту идиллию на берегу озера снимал фотограф. Вера поморщилась.

– Какая карамель! – не удержалась она. – Так и хочется, чтобы, взлетев, голубь подпачкал ей платье. Это бы хоть как-то оживило картинку. И, говорят, это на счастье.

– Неромантичная ты девушка, – он с интересом наблюдал за эмоциями, проступившими на ее лице.

– Это не романтика! Это... знаешь, такие ужасные, пошлые картины в позолоченных лепных рамах с прудом, кувшинками, лебедями и звездами на небе? Апофеоз безвкусицы!

Голуби, платья и прочие колокольчики из той же оперы. Жаль, торт с розочками незаслуженно остался за кадром.

– А для нее этот день – платье и голуби. Каждый выражает чувства, как умеет. Ты, видимо, иначе представляешь себе счастье.

– Да-а-а! О чем, о чем, а о платьях и тортах с взлетающими птицами я никогда не мечтала!

– Если я спрошу о твоих мечтах, ты ответишь, что это слишком интимный вопрос.

Поэтому подожду, когда ты сама расскажешь.

– Уверен, что расскажу? – Вера устало улыбнулась.

– А ты сомневаешься? – он не отводил взгляд от ее лица. – Только честно?

– Не знаю. – Она посмотрела ему в глаза и тихо повторила: – Не знаю.

Когда представление закончилось, Вера решила, что ей необходимо прогуляться в одиночестве. Договорившись встретиться вечером, она отправилась на поиски алой блузки, по дороге приобретя серебряный чайничек и темно-синий палантин. Поиски увенчались успехом и два часа спустя Вера, довольная и усталая, вернулась в отель. До ужина оставалось полтора часа.

***

Кажется, звонит телефон. Она уменьшила напор струи и прислушалась – да, телефонный звонок. Телефон замер на несколько минут и ожил, как только она вошла в комнату. «Ничего себе, – промелькнула мысль, – как будто за мной наблюдают». В трубке звучал разбудивший ее накануне голос.

– Добрый вечер, Вера, – в голосе явно звучало смущение. – Надеюсь, на этот раз не помешал?

– Добрый вечер! Не помешали. Простите, я вас не узнаю, – Вера хотела убедиться в своей догадке.

– Орен, – теперь голос обрел лицо, – мы...

– Я вас помню, – вежливо произнесла Вера. – Спасибо, что поинтересовался моим самочувствием. Очень мило с твоей стороны.

– Я хотел извиниться за вчерашнее, – он так забавно смущается, Вера улыбнулась, – и пригласить тебя на ужин.

– Мы договорились поужинать в небольшой компании, – она подчеркнуто проигнорировала суть приглашения, – если хочешь, присоединяйся.

– Не помешаю? – он был явно разочарован.

– Да нет, обычный ужин в компании коллег, – беспечно ответила Вера.

– В таком случае с удовольствием. Надо же убедиться, что завтра мы можем на тебя рассчитывать.

– Тогда в половине девятого встречаемся в холле.

Усевшись на подоконник с чашкой чая, Вера обдумывала неожиданный поворот вечера. Орен, второй пилот на борту, произвел на нее очень приятное впечатление. Он заметно отличался от большинства летчиков, самоуверенных и преисполненных чувства собственной значимости, интеллигентностью и мягкостью. Эти качества были крайне нетипичны для людей его профессии, особенно учитывая тот факт, что летчики поступали на работу в авиакомпанию после многолетней армейской службы. ВВС – элита израильской армии, молодые люди, на первых этапах выбранные из тысяч, а затем выдержавшие трехлетний курс, к концу которого доходили единицы – неудивительно, что при подобном раскладе многие из них в юном возрасте испытали нечто похожее на звездную болезнь. В стране была известна старая поговорка: «лучшие – в летчики, лучшие – летчикам». Привилегированное положение и повышенное внимание женского пола почти неизбежно оставляли след: их нередко переполняли чувство важности

и уверенность в собственной неотразимости. Веру веселили подобные проявления, но так как летчики действительно были мастерами своего дела, она относилась к ним с уважением, признавая, что их самомнение основывается на объективно прочном фундаменте. Будучи наслышана о «летном» высокомерии, Вера не разделяла бытующего среди стюардов мнения: большинство пилотов были приятными людьми, напускная самоуверенность которых казалась ей своеобразной мужской бравадой, достаточно безобидной и даже забавной, за ней же прощались характер, профессионализм, умение принимать незамедлительные решения в экстренных ситуациях и любовь к своему делу. Без сомнений, общение с ними давалось ей куда проще, чем со многими из своих коллег.

Отношения в компании основывались на строгой иерархии. Веру раздражало, что в когда-то государственной, а ныне частной авиакомпании, сохранилась почти армейская дисциплина и иерархический порядок, что откладывало определенный отпечаток, как на сам процесс работы, так и на отношения между людьми. Приглашение поужинать смutilo ее, ведь помимо банального мужского внимания речь шла об интересе со стороны коллеги, занимающего более высокую позицию в служебной лестнице. Ей не хотелось портить с ним отношения, но и становиться объектом пересудов желания не возникало. Когда он успел заинтересоваться ею? – спрашивала она себя. Летчики были представлены стюардам в автобусе, подвозившем экипаж к самолету. Вера отметила нетипичное поведение второго пилота и, погружившись в собственные мысли, забыла о его существовании. Когда же они прибыли во Вьетнам, она так устала и была настолько поглощена происходящим вокруг, что вообще упустила его из виду. О том, что до отлета он напомним о себе и предположить не могла. «Что ж, – подумала Вера, – посмотрим насколько хватит твоей самоуверенности, реалист», – она улыбнулась. Вечер обещал быть нескучным.

Вошедший Ноам внимательно рассматривал открывшую дверь Веру: алая блузка из тончайшего шелка подчеркивала ее точеную фигуру, по плечам беспорядочно рассыпались длинные волосы. Пригласив гостя войти, она вернулась к зеркалу, а он, устроившись поудобней, с интересом наблюдал за ее приготовлениями. Вера, думал Ноам, относилась к типу женщин, лицо которых можно с легкостью испортить лишним взмахом кисти, настолько яркими были черты ее лица от природы: огромные глаза, черные, идеально очерченные брови, длинные густые ресницы, высокие скулы и словно нарисованные губы. Контраст с кожей оттенка слоновой кости усиливал и без того яркие краски.

– Когда раздавали яркость, ты стояла в первых рядах, – со вздохом отметил он.

– Не смей меня, – попросила Вера. – Когда раздавали умение делать что-либо руками, я стояла в очереди за ресницами. В результате чего аккуратно нанести легкий макияж для меня – проблема.

Отложив кисточки и коробочку с тенями, она внимательно изучала результат. На светлой, словно восковой коже, с необыкновенной яркостью выделялись огромные темные глаза, подчеркнутые дымчатым макияжем. Бледность, придающая легкую драматичность, органично вписавшуюся в ее образ, импонировала Вере, и она поинтересовалась мнением Ноама.

– Не надо никаких румян, – отрезал он тоном, не терпящим возражений, – ты какая-то беззащитно-фатальная в таком варианте. Маргарита Готье и туберкулез.

– Ничего себе, – Вера обернулась, – интересные у тебя ассоциации! Умолчу о профессии дамы, но болезнь то...

– Очень аристократичная болезнь, между прочим! – бурно возразил он. – Придавала трагически-романтический ореол наполненным девушкам. На начальных стадиях уродует только проступки. А так красота – глаза лихорадочно горят, аристократичная бледность и прозрачность. Мужчины развивали бурную деятельность: начинали заботиться, вывозить на курорты...

– Да, – поморщилась Вера, – подкрашусь-ка я, пожалуй.

– Не надо! – он запротестовал. – Правда, не надо. Ты, как актриса 60-х, не порть образ.

– Н-да, это лучше туберкулеза. – Вера принялась собирать волосы в узел. Когда приготовления остались позади, она повернулась к Ноаму и задумчиво произнесла: – У меня странное чувство. Как будто этот вечер особенный.

– Может быть, – он подмигнул ей, – если ты так решишь.

Она не ответила и только прислушалась, пытаясь поймать странное чувство, на секунду ворвавшееся в сознание. В нем не было радости, скорее легкая грусть и ожидание чего-то неизбежного. «Так животные чувствуют приближающееся землетрясение», – промелькнуло где-то. Внезапно ей очень захотелось домой. Неужели, что-то произойдет в полете? Чувшь какая-то. Она определенно устала, а события сегодняшнего дня не способствовали восстановлению сил.

– Какая ты красивая, Вера! – Она подняла глаза и встретилась с изучающим взглядом Ноама. – Смотрю на тебя и понимаю, почему большинство мужчин предпочитают женщин.

– Прекращай льстить! В этом ты похож на остальных мужчин! – Вера улыбнулась. – Кстати, насчет мужчин, Орен ужинает с нами.

– Тот самый Орен? – Ноам присвистнул. – Ты ему не объяснила, что он опоздал?

– Опаздывают на самолет! – Она на секунду задумалась и, понизив голос, добавила наигранно-театрально: – И потом, кое-кому необходимо дать понять, что не стоит расслабляться.

– Ты мой кумир, Вера! – Ноам смотрел на нее с восхищением. – Чувствую, ему придется несладко!

В дверь постучали. Ноам успел шепнуть «Шели» и, едва та переступила порог, вышел из комнаты: «Я вернусь через минуту, – донесся его удаляющийся голос, – мои вещи в номере».

– Шели, – Вера почувствовала неловкость, – хорошо выглядишь.

– Спасибо, – Шели окинула Веру беглым взглядом, – ты тоже неплохо.

– Послушай, – Вера искала нужные слова, с помощью которых, не драматизируя произошедшее и тем самым не нагнетая обстановку, пыталась объяснить, – мне неловко из-за сложившейся ситуации. Мы случайно встретились утром...

– Все нормально, Вера, – Шели старалась казаться безразличной. – Он всегда занят очередной интрижкой, этот раз не исключение.

Вера чуть слышно засмеялась. Было что-то настолько предсказуемое, типично женское, в этих словах и все же ее неприятно удивило, что Шели не смогла взять себя в руки.

– Ну что ж, – она, улыбаясь, смотрела на Шели, – так как этот раз не исключение, ты сама понимаешь, насколько нелепо продолжать разговор на эту тему. Я рада, что мы пришли к взаимопониманию.

***

Войдя в холл, Вера с Ноамом невольно притормозили, наблюдая весьма неожиданную сцену-сюрприз: Орен и Дан в компании Шели, Моран, Ирит и Лии явно не скучали. Девушки улыбались, смеясь шуткам собеседников, и живо что-то обсуждали. На Ирит была странной модели кофта-корсет, превращающая ее фигуру в корзину с фруктами, из которой вот-вот обещает выпасть часть содержимого. Изумленная Вера не ожидала от ассоциировавшейся исключительно с униформой Ирит подобного стиля, да и поведение строгой и сдержанной в воздухе женщины удивило ее. Моран атаковала непривычно короткой юбкой, как шепнул Ноам: «Идеально подходящая для ступенек вещичка, вид для стоящих внизу открывается феерический»; Лия с распущенными светлыми волосами ослепляла макияжем на расстоянии десяти метров и вызывала у Веры стойкую ассоциацию с Медузой Горгоной. Впрочем, она и без макияжа с легкостью выиграла бы кастинг на эту роль. Девушки кокетничали, словно соревнуясь друг с другом, и Вера всерьез раздумывала не дать ли задний ход, настолько дискомфортно она ощутила себя на этом зарождающемся празднике жизни. Атмосферу всеобщего веселья и флирта

нарушали серьезная Шели и неизменно суетливый Таль, пытавшийся вписаться в компанию и явно не находящий своего в ней места. Девушки не относили его к категории мужских особей, мужчины относились к нему снисходительно, а он заискивающе улыбаясь, даже сейчас, в минуты отдыха, старался прислуживать этим случайным в его жизни людям, понимая, что, только ощутив себя полезным, он сможет почувствовать себя причастным. Он шел по жизни пресмыкаясь, и Вера внезапно испытала жалость к этому человеку, умудрившемуся родиться таким омерзительным и нелепым. Проследивший за взглядом Веры Ноам в очередной раз поразил ее пронизательностью:

– Даже не думай жалеть его, – тихо произнес он, – это самая мерзкая категория: чувствуют себя недоделанными, оттого несчастными и поднимают самооценку, гадя окружающим. И так по кругу.

– Ты прав, – Вере не оставалось ничего, как согласиться. Помолчав, она добавила: – Как-то не хочется вторгаться в их компашку.

– Ты посмотри, как оживился наш курятник! – он с ехидством рассматривал девушек. – Куда это они вырядились, как девицы с квартала красных фонарей? Помнишь, сколь усердно нам на курсах втирали про святую обязанность поддерживать имидж компании во время командировок?

– О! Не забывается такое никогда! Выяснилось, что мы представители страны за границей, практически послы! – с пафосом проговорила Вера. – В трезвом виде они несут эту феерическую фигню! В трезвом!!!

– Наблюдая за реакцией однокурсников, мне даже страшновато стало, все сидели с такими важными лицами! – со смехом вспомнил Ноам. – Воистину безграничны возможности человеческого организма.

– Это и должен был быть вступительный экзамен вместо психологов, симуляций, языков и прочего. Для меня остается загадкой, как я умудрилась с серьезным лицом выслушать этот пугающий кретинизм? – Вера пожала плечами. – Я себя, между прочим, до сих пор уважаю за самообладание! Честно говоря, во время той лекции у меня не осталось сомнений в том, что никто не вылетит с курса экстренных ситуаций, нервы у всех в порядке.

– Давай я их сфоткаю и выложу на нашем портале под заголовком «Блюдем имидж!» – Ноам явно рвался в бой. – Курсисты должны знать к чему стремиться. Спасем наивные души!

– И потеряем работу на следующий день, хотя было бы забавно. Ты, – ее голос зазвучал серьезно, – просто обладаешь вкусом, который большинство мужчин не разделяют, и вот тебе наглядный пример.

– Большинство мужчин в состоянии отличить лебедя в курятнике, – тоном, не терпящим возражений, заметил он. – Ничего не имею против куриц, но лебедь другого сорта птица: не кудахчет, как заведенная, шея длинная, необычная птичка, красивая...

– И очень больно щипается, – с готовностью дополнила Вера. – Далеко не беззащитная птичка, несмотря на романтический ореол. Боевая романтика.

– Ну что, лебедь, – Ноам вздохнул, – пойдём подышим свежим воздухом, здесь душно-вато.

Вера улыбнулась и шутивно взяла его под руку. Определенно Ноам читал ее мысли. Войдя в холл и поравнявшись с компанией коллег, Ноам бросил на ходу: «Мы будем ждать вас на улице», и, тихо обсуждая что-то, они прошли к выходу. «Леди», – пожилой джентльмен поспешил, опередив швейцара, распахнуть перед ней дверь, жестом приглашая пройти. Вера тихо произнесла «спасибо» и улыбнулась.

– Ты рискуешь стать моей большой любовью! – выпалил Ноам, как только они оказались на улице. – Откуда твои манеры и осанка? Ты из какого века, Вера?

– Я ошиблась эпохой, – она согласно кивнула, – мое время – девятнадцатый век.

– Ты нокаутом разделала все эти мини – декольте. А вот и побежденный курятник, – он замолк.

Их поглотил шум голосов, и Вера невольно поморщилась, вдохнув приближение приторно-сладкого ароматного облака. «Вдобавок ко всем достоинствам они отличаются повышенной любовью к душным парфюмам и их злоупотреблению. Это химически – стратегическое оружие, не иначе!» – отметила она. Если девушки намериваются присоединиться к их компании, то через несколько минут ей не придется придумывать причину, чтобы вернуться в отель: она грохнется в обморок, погрузившись в душное облако. Таль, семенящий впереди остальных, неожиданно оказался возле Веры и произнес искусственно-удивленным тоном, глядя в сторону Орена: «Вера-аа!» – и мерзко хихикнул. Она непроизвольно сделала шаг назад. Отвратительнейший тип!

– Вера, прекрасно выглядишь! – подошедший Орен не пытался скрыть особого к ней отношения. – Теперь я, наконец-то, убедился, что ты здорова.

«Не надолго», – подумала Вера и вежливо поблагодарила.

– Мы идем в ночной клуб, присоединяйся, – Лия обратилась неопределенно не то к Вере, не то к Ноаму.

– Спасибо за приглашение, но у нас другие планы, – ответила Вера, гадая, кто это «мы».

– Ты в курсе планов или ждешь сюрпризов? – Моран с приторным голосом не желала отставать от Медузы – подруги.

– Я в курсе, – улыбнулась Вера, – и жду сюрпризов. Приятных. Надеюсь ты тоже.

– Ты нам организовала сюрприз! – наиграно-удивленно воскликнула Лия. – Мы никак не ожидали встретить Орена, думали, ты ограничишься Даном.

– Сразу чувствуется настоящая женщина, – язвительно подхватила Моран, – ей всего мало.

– Прежние планы не должны вас связывать, они легко поддаются корректировке, – игнорируя брошенные ей фразы, с улыбкой произнесла Вера, обращаясь к Дану и Орону. – Вы можете составить компанию девушкам и Талю. Мы с Ноамом приятно проведем время.

– Вера, – Дан улыбнулся, – ты еще не проголодалась?

– Проголодалась, – она с готовностью кивнула.

– Тогда поспешим. Приятного вечера, – он взял Веру за запястье и с улыбкой потянул за собой.

***

Этот ужин в уютном вьетнамском ресторане стал приятным завершением дня. В первые минуты ни от кого не ускользнул дискомфорт, испытываемый Ореном в компании новых знакомых, и Ноам, пытаясь сгладить дистанцию, принялся шутить на знакомую всем присутствующим тему.

– А помните, во время курса безопасности и экстренных ситуаций выяснилось, что мы обязаны спасать летчиков в случае потери ими кондиции? – Ноам обратился к Шели и Вере. – Так что, Орен, при случае тебе есть на кого положиться.

– Да, – Вера кивнула, – изучая каждый самолет, мы проходили схему вашего спасения. До такого даже в боевиках не додумались: через люк девушка вытаскивает на крышу самолета мужчину без сознания.

– Особенно учитывая вес многих наших орлов, – подмигнул Ноам. – Так и представляю тебя, Вера, героически спасающей командира экипажа. Прямо фантазия.

– А мне, между прочим, этот вопрос выпал во время устного экзамена. Чуть не вылетела с курса, – вспомнила Вера. – Если бы не наш золотой инструктор, жестами показавший мне,

что необходимо расстегнуть ремни, где спрятан канат и как открыть люк, не сидела бы я тут с вами.

– А что делать со спасенным на крыше? – поинтересовался Орен.

– В смысле? – неуверенно переспросила Вера. – Если он еще жив?

– Жив конечно! – с уверенностью ответил он. – Но как его спустить на землю?

– Аа.. до этого на экзамене не дошли, к счастью, – Вера на секунду задумалась. – Сбросить вниз?

– Тебе правда повезло, – голос Шели звучал на удивление серьезно. – Как ты его сдала, не понимаю.

– Да ладно, Шели, – Вера улыбнулась, – разве кто-то всерьез надеется, что девушка весом в 50 кг. в состоянии проделать подобное? Я уже промолчу о том, что не раз взлетим в воздух до того, как окажемся на этой злосчастной крыше.

– И вообще, – воскликнул Ноам, – Дан, разве не вы должны спасти летчиков? Вы физически в состоянии это проделать, ну чисто теоретически хотя бы.

– Должны, конечно, – он улыбнулся. – В том случае, если вы нас не опередите.

– Не опередим! – с горячностью подтвердил Ноам. – Эту привилегию мы с радостью оставим вам.

– Что ж, – засмеялся Орен, – приятно знать, что за тобой команда.

А несколько минут спустя никто больше не вспоминал о работе... говорили о путешествиях, делились впечатлениями, обсуждали футбол и последние прочитанные книги. Вера неожиданно почувствовала себя удивительно комфортно и, не замечая, как бежит время, наслаждалась приятной беседой, ужином, вином и необыкновенной атмосферой этого вечера. Она любила открывать людей, считая эти открытия наиболее увлекательными, и, наблюдая за собравшимися за столом, думала о том, что эта поездка подарила ей, помимо знакомства с необычным городом, интересные встречи. Перехватив в очередной раз взгляд Дана, она застыла – внезапно ее, словно до краев, наполнило тревожное пророчество: в эти навсегда врезавшиеся в память секунды Вера со странной неизбежностью осознала, что стоит на пороге судьбоносных перемен... пораженная этим нетерпящим возражения открытием, не в силах пошевелиться, она смотрела в глаза сидевшего напротив мужчины, гадая, какую роль суждено ему сыграть в ее жизни. С любопытством и нарастающим страхом Вера прислушивалась к поглощающим ее эмоциям, с пугающей ясностью ощущая приближение неизвестной безжалостной стихии, подхватывающей ее, словно тряпичную куклу, и увлекающую за собой в страшный водоворот. К этому вечеру со всеми малозначительными, казалось, деталями, и, в особенности, к этому короткому мгновению, словно теплой шалью накрывшему ее роковым предчувствием, она будет возвращаться бесчисленное количество раз, поражаясь, как четко, почти фотографически, запомнились ей каждое слово, каждый взгляд, каждая эмоция. Как много она готова будет отдать за то, чтобы повернуть вспять безжалостное время, как яростно будет мечтать убедиться в том, что предчувствие фатальных событий было расшифровано ею верно: они должны быть связаны с ним, с их начинающейся историей. Увы, как в прочтении пророчества, так и в предотвращении нелепого поворота судьбы Вера была бессильна. Песочные часы судьбы с пугающей быстротой уносили последние песчинки ее прошлой жизни. А пока вечер продолжался... Она не заметила, как погрузился Орен, наблюдая ее немой диалог с Даном, как довольно улыбнулся Ноам и помрачнела Шели. Вырвавшись из урагана мыслей и предчувствий, она вернулась к общему разговору.

При выходе из ресторана Орен, выбрав минуту, отвел в сторону Веру:

– Не говори мне, что я опоздал, – расстроено глядя на нее, произнес он.

– Не скажу, – Вера вздохнула. – Но думаю, тебе стоит сменить объект внимания.

– Не так быстро! – Помолчав, он добавил: – Я подожду.

– Не стоит, но дело твое, – с легкой грустью ответила Вера.

Попрощавшись с Шели и Ноамом, она задержалась на несколько минут с Даном в баре отеля. Удивительно, она очень устала, но спать совсем не хотелось. Было нечто пьянящее в воздухе этой теплой августовской ночи, в звездном почти черном небе и цветочном аромате, доносимом слабым дуновением ветра. Вера, воспринимающая мир сквозь призму эмоций, этим вечером с особой остротой впитывала запахи, звуки, краски этого удивительного места.

– Мне пора возвращаться в номер, – наконец со вздохом сказала она. – Завтра еще многое хочется успеть посмотреть.

– Отдохни. Завтра, если ты не против, я покажу тебе несколько интересных мест.

Вера согласно кивнула.

Когда двери лифта запахнулись, Дан на секунду задержал ее:

– Думаю, тебя не стоит будить, лучше выспись, как следует.

Вера вспомнила о дневном инциденте, выставившем ее в нелепом свете, и о своем запланированном розыгрыше – реванше.

– Нет, – она упрямо покачала головой, – я не уеду, не увидев, как в Ханое восходит солнце. Но если выспаться необходимо тебе, не стану затруднять.

– Я тебе позвоню.

Вера, довольно улыбнувшись, вышла из лифта, и сделав несколько шагов, резко притормозила, услышав в след: «Только не отключай телефон».

– Странные у тебя мысли! – она обернулась. – Неужели личный опыт?

– Нет, не личный. Настолько инфантильные особы мне, к счастью, не попадались.

– Это очень инфантильно, – вынужденно подтвердила Вера.

– И глупо. Уровень развития тянет лет на десять, максимум двенадцать.

Он опять смотрел так, словно вот-вот засмеется. Вера почувствовала, как закипает, глубоко вздохнула и улыбнулась в ответ.

– Может, все-таки предпочитаешь отложить на другой раз? – снисходительно предложил он.

– Не знаю, как долго придется ждать «другой раз». – Она осеклась и поспешила уточнить: – В смысле неизвестно, когда я опять попаду сюда.

***

Ну, и что теперь делать? Прохладный душ немного охладил Веру, и она, сидя напротив зеркала и рассматривая статуэтку, перебирала возможные варианты. Ей совсем не хотелось просыпаться через несколько часов, после чего она, скорее всего, не сможет заснуть и наутро будет чувствовать себя разбитой, а завтра вечером и ночью ей предстоит работа. «Разбудить тебя ночью... только на этот раз... уровень развития тянет на десять-двенадцать лет...» – эти фразы крутились у нее в голове, вызывая не то приступы раздражения, не то смеха. Что ж, ее нехитрый план он раскусил играючи, один – ноль. И вообще, он похоже обладает молниеносной реакцией... «До чего же самоуверенный! Как хочется стереть с его лица эту самодовольную улыбку... Нет, нельзя так явно идти на попятную, не помешает проучить этого избалованного, привыкшего к чувству собственного превосходства типа... – сказала себе Вера и ощутила нахлынувший азарт. – О чем он сейчас думает? – спросила она себя. – И чего меньше всего ждет?» Несколько минут спустя она вышла из лифта на предпоследнем этаже и набрала знакомый номер.

– Вера, Вера, – казалось, его развеселил ее звонок, – отгадать, зачем ты звонишь?

– Только не говори, что помешала! – она разочарованно вздохнула. – Надеюсь, ты не занят?

– Конечно, нет, – в голосе промелькнуло удивление.

– Открой дверь. – В ответ на тишину она с издевкой произнесла: – Дверь открывается очень просто, необходима инструкция?

В противоположном от лестничной клетке конце коридора послышался слабый шум. Усилием воли придав лицу серьезное выражение, Вера неторопливо направилась на звук открывшейся двери.

– Привет! – она с улыбкой смотрела на удивленного Дана, приятно удивленного, отметила она, и едва сдерживала смех. Она таки выбьет почву у него из-под ног! – Я решила сделать тебе сюрприз!

Не ожидая ответа, Вера прошла в номер и, на секунду задержавшись в салоне, вышла на террасу. Внизу, сплетаясь в причудливые узоры, сверкали огни города.

– Как красиво, – тихо сказала она, – я представляла, что у тебя тут, должно быть, прекрасный вид, но не догадывалась насколько.

– Рад, что тебе нравится. Честно говоря, думал тебя пригласить, но боялся, что ты...

«Он явно не в своей тарелке», – с удовлетворением отметила Вера.

– И вот я здесь, – она на секунду задумалась. – Надеюсь, сюрприз удался?

Дан не ответил. Стоящая напротив в простой белой майке с распущенными влажными волосами и странным блеском огромных глаз Вера моментально внесла атмосферу легкого, пьянящего безумия в жаркую летнюю ночь. Она негромко засмеялась и протянула руку, не сводя манящего взгляда, словно обещающего увлекательное приключение.

– Посмотри, какие звезды нереальные, совершенно вангоговские. Ты дышишь? – со смехом спросила она. – Вот уж не ожидала от тебя подобной реакции!

– Я сам не ожидал. Ты мастер сюрпризов! – он сжал протянутую ему руку, которая неожиданно выпорхнула из его руки.

– Вернувшись к себе, подумала: если ты взялся меня разбудить, а я ненавижу звук телефонного звонка, почему бы тебе не сделать это лично? – Вера стремительно покинула террасу и направилась к комнатам. – И вдруг вспомнила... – многозначительно выдержав паузу она важным голосом объявила, – что у тебя две спальни! Две! Решила попросить приютить меня ночью. – Она подошла к свободной спальне и, не оборачиваясь, уточнила: – Надеюсь, ты не против?

– Чувствуй себя, как дома, – услышала она спокойный голос, удивительно тихий на этот раз.

«Бинго!» – Вера ликовала. С трудом сдерживая победоносные нотки в голосе, вежливо произнесла:

– Спасибо. Спокойной ночи! – не удержавшись, она обернулась и с радостью поспешила захлопнуть дверь. До него донесся ее смеющийся голос: – Как мило, дверь запирается на замок. Тут все предусмотрели! Не обижайся, у меня фобия! – замок резко щелкнул.

«Ненормальная!» – он усмехнулся, почувствовав себя идиотом. Своеобразная машина времени – возвращение в подростковый возраст. И все же, думал Дан, она невероятно красивая девушка. И безумно непосредственная, и, признаться, к подобному повороту событий он был не готов.

Вера, сидя на кровати, прислушивалась, как бешено бьется сердце. Кажется, ей удалось преподать ему своеобразный урок. Теперь они квиты! Пусть почувствует себя так же нелепо, как чувствовала она. Этот план оказался удачнее прежнего!

Она крепко спала, когда ее разбудил стук в дверь. Вера открыла глаза и поняла, что пора просыпаться. Вылезать из мягкой постели не хотелось. Можно не отвечая проспав до утра, а утром, искренне возмущаясь, обидеться за пропущенный рассвет. И пусть это уровень развития 10-летней девочки, ей забавно будет наблюдать за его реакцией. Улыбнувшись, Вера закрыла глаза. Стук прекратился. «Очень мило с твоей стороны», – подумала она и, через пару минут услышав тихий звук открывающейся двери, с удивлением приподнялась.

– Вставай, – донесся насмешливый голос, – терраса ждет тебя.

Умыв лицо и бросив изучающий взгляд на свое зеркальное отражение, Вера вышла на террасу. Она опустилась на диван рядом с Даном и, поблагодарив, приняла чашку кофе, не преминув уточнить, что кофе она не любит и обычно не пьет. В полумраке загорались первые светлые пятна. Небо прояснялось.

– Хорошо спала? – подчеркнуто вежливо поинтересовался Дан.

– Да, спасибо. А ты? – таким же дежурным тоном отозвалась Вера.

– Самым крепким сном в своей жизни я обязан тебе, – непринужденно ответил он. – Ты волшебница!

– Кстати, как ты вошел? Я же заперла дверь! – не удержалась она.

– Не верь гостиничным замкам, – он усмехнулся, – они созданы, чтобы их вскрывали.

– Ого! – Вера искренне удивилась. – Откуда такие знания?

– Подключи фантазию, – он пристально смотрел на нее, – надеюсь, она у тебя неплохо развита.

Вера не ответила. Она смотрела на горящий полукруг, выплывающий из мглы на горизонте. Есть что-то бесконечно жизнеутверждающее и символическое в этом ежедневном ритуале, когда свет и жизнь – яркая, солнечная, отвоевывают свое право на царствование у темноты и существования в сумерках.

– Я же говорила, – задумчиво произнесла она, – что и со случайными знакомыми бывают рассветы.

– Ты не случайная знакомая и прекрасно это знаешь.

Она усиленно делала вид, что не замечает его взгляд.

– Вера, прекратишь играть в детские игры или еще поразвлекаешься немного?

– Никакие это не игры, – она отмахнулась, – меня бесит твоя самоуверенность!

– Я заметил. Надеюсь, ты доказала себе то, что хотела доказать сегодня вечером. – Заметив, как возмущенно взлетели ее брови, он, улыбаясь, добавил: – Мне ты точно доказала. Довольна?

Вере неожиданно стало смешно. Она ощутила себя инфантильной и представила, как забавно наблюдать за ней со стороны. Не хватает бантиков и гольфиков.

– Тебе удастся вывести меня из равновесия, – нехотя призналась она. – Так и быть, подкормлю твою самооценку: ты первый, кому это удастся. Поэтому я и веду себя несколько... подбери слово.

– Забавно... – он изучающе смотрел на нее. – Ни за что не поверил бы, не убедившись лично. Ты замкнута, но непосредственна, умеешь манипулировать, но, расслабившись, ведешь себя, как ребенок. Ты противоречива... мне будет нелегко забыть тебя. Откровенно говоря, не хочется даже пробовать.

– Поездки, девушки, террасы, рассветы... Часто говоришь красивые слова или нет необходимости?

– Никогда не испытывал потребности переживать интимные минуты с посторонними людьми. – Он помолчал и продолжил: – Я никогда не бросаюсь словами, Вера. Нет, я не святой и даже не особо честный, но у меня, слава богу, нет и никогда не было в этом необходимости.

– Верю, – тихо произнесла Вера. – Это я могу понять. Ты мне вообще представляешься таким баловнем судьбы, получившим полный набор: умный, богатая семья, прекрасное будущее, и как будто этого мало – внешность. С таким набором можно обойтись без лишних слов.

– Глупо отрицать выигранные стартовые условия... Я и правда не знаю, что такое борьба за выживание, но я ведь не под колпаком жил, Вера. Потом армия здорово уравнивает и заставляет повзрослеть...

Узнав, где он служил, и сопоставив даты, Вера догадалась, о чем он. Не удержавшись, отважилась на вопрос:

– В годы твоей службы случилась та операция?

– Да. Одна из многих, только получившая огласку.

Он моментально изменился в лице, и Вера, пораженная открытием, сидела чуть дыша, не зная, что принято говорить в подобной ситуации. Она помнила шум в прессе после неудавшейся спецоперации одного из самых элитных израильских подразделений, в котором, несмотря на опасные задания, был низкий уровень потерь. Они – элита, используемая в особо секретных операциях за пределами страны. И вдруг как гром среди ясного неба – несколько убитых за одну ночь, не доведенное до конца задание. Фотографии с похорон, шок...

– Ты...? – Вера говорила еле слышно, с трудом подбирая слова. – Кто-то из твоих друзей...?

– Мой близкий друг. В двух метрах от меня, – ответил он словно не принадлежащим ему голосом. – Его не успели доставить в больницу. Да и остальные были не чужими.

– Прости, – Вера опустила голову. – Я такая дура. Никого не теряла, ничего ужасного не пережила, а читаю тебе морали.

– Тебе, наверное, нелегко пришлось в новой стране. И твоей семье тоже. Сколько тебе было лет?

– Тринадцать. Нелегко, – Вера согласилась, – но несравнимо с этим ужасом... У меня брат через год школу заканчивает и тоже рвется в боевые войска. Ему кажется – чем опаснее, тем интереснее. Максималист. Совсем еще ребенок. Я иногда думаю: зря мы эмигрировали.

– Поверь, все не так страшно. Ты привыкнешь, эти годы быстро пройдут.

– Надеюсь, – Вера вздохнула. – Ему было бы интересно познакомиться с тобой, для него твоя служба это ужасно круто, он о такой мечтает. Если бы ты мог хоть немного спустить его на землю, я была бы тебе очень благодарна.

– Конечно, – он кивнул, – но ты должна понимать, что это вряд ли что-либо изменит. Чужой опыт, особенно такой специфический, действует не сильнее картинок из боевиков. Наоборот, чем больше спецэффектов, тем круче себя чувствуешь. И потом, – он говорил с такой уверенностью, что Вера опешила, – для многих это предпочтительнее, чем сидеть в офисе и перебирать бумажки. Более того, подходящие по всем параметрам выберут именно эту службу.

– Он подходит, – с грустью признала Вера, – и психологически, и физически. Мне было бы спокойнее, перебирай он бумажки. Но ему хочется утвердиться.

– Значит, это его выбор, тебе следует его уважать, – он улыбнулся. – В животном мире у каждого своя функция. Не пытайся замаскировать хищника под ягненка. И не драматизируй.

– Ты прав. Я сама в старших классах симпатизировала распределенным в элитные войска. Летчики, коммандос – это же девичьи школьные герои. А если у кого-то парень туда попадал, гордости было... А сейчас раскудахталась, как насадка. Но он этого не знает, я удачно маскируюсь.

– Маскируйся. Ему легче будет. – И, помолчав, с любопытством спросил: – А ты кем гордилась в старших классах?

– Да никем. В меня всегда влюблялись пачками – закон стада. Спортивный интерес. С некоторыми мы удачно воевали, – она усмехнулась. – Я тренировала им нервы. Думаю, мне должны быть благодарны.

– Благодарны? – он пристально смотрел на нее. – Да ты почти профессионал... Откуда это странная потребность играть на чужих нервах, оставаясь недосягаемым существом?

– Ты преувеличиваешь! Не моя вина в том, что редкий мужчина вызывает интерес, – насмешливо произнесла она. – Живи я в рыцарскую эпоху, определилась бы куда быстрее, сейчас все чересчур предсказуемо...

– Слава богу, ты живешь в 21 веке, – поспешил возразить Дан. – В эпоху рыцарей, – он усмехнулся, – ты бы развлечения ради провоцировала дуэли, развила кровожадность, войдя

во вкус, принялась коллекционировать жертвы... тебя бы быстро сожгли как ведьму и дело с концом.

– Я не настолько жестока! – констатировала Вера. – Хорошего же ты обо мне мнения! Я вообще-то очень мягкий любящий человек.

– Рад слышать, – он снова смотрел в ее глаза. – Надеюсь поскорее убедиться.

– Опять ты начинаешь! – ее губы тронула едва заметная улыбка. – Что прикажешь с тобой делать?

– Вера, – он на секунду дотронулся до ее щеки, – ты уже сделала. Мне кажется, я в тебя почти влюблен.

– Ничего себе! – изумленно воскликнула она. – «Почти влюблен»! И это вместо того, чтобы сказать: «Я с первой секунды понял, что ты, Вера, – моя будущая жена, мать моих детей».

Она рассмеялась.

– Представляю эффект этих слов, – он улыбнулся. – Ты бы так смеялась, что перебудила бы весь отель!

– Но это лучше, чем «почти влюблен»! Мне такого ужаса еще никто не говорил. – Она саркастически повторила еле слышно: – «Почти»!

– Если убрать «почти», ты обвинишь меня в бросании слов на ветер, – напомнил он.

– Не оправдывайся! – Вера явно развеселилась. – Между прочим, мне пора возвращаться к себе. А то узнают, что я провела ночь с тобой и конец моей репутации. Ты как порядочный мужчина обязан будешь жениться!

Она снова звонко рассмеялась.

– Я как полупорядочный мужчина готов предложить тебе после возвращения домой перейти ко мне. Я не шучу.

– Час от часу не легче! – Веру моментально отрезвили его серьезный взгляд и голос. Выдержав короткую паузу, она твердо произнесла: – Я, Дан, противница гражданских браков. Я старомодна, мне не нужны свадьба и белое облако, зато нужны кольцо, печать и в твоём случае, наверное, не обойтись без брачного контракта.

Она улыбнулась.

– Обещаю обдумать твоё предложение, – задумчиво ответил он и полушутя добавил: – Ещё один такой ночной приход, и я сдамся гораздо быстрее, чем ты думаешь.

– Сдашься, – в тихом голосе звучала непоколебимая уверенность. – Быстрее, чем тебе кажется.

Вера возвращалась в номер в необычном настроении. Ей не хотелось спать, она ловила себя на мысли, что ей почему-то стало очень хорошо. Определенно ей начинало нравиться её состояние.

***

Утром полил сильный ливень. Струйки дождя рисовали причудливые узоры на оконном стекле. Эхом разносились раскаты грома. Окружив город, стена дождя неспешно поглощала все вокруг. Прислонив голову к стеклу, Вера всматривалась в открывающийся пейзаж, сначала яркий, а теперь все более размытый, ускользающий, и казалось ей: пробегут несколько минут, и контуры начнут исчезать из вида, словно перед ней не город вовсе, а призрак давно исчезнувшего корабля. В эти минуты господствовал он – дождь, и было что-то пугающее в его власти: он размывал еще минуту назад казавшуюся незыблемой окружающую её реальность, придавая чужой вид знакомой улице. Тревожно осознавать, что это может быть метафорой к человеческой жизни, размышляла Вера: реальность многолика, но люди продолжают отчаянно цепляться за привычное её отражение и, не желая признавать хрупкость жизни, погружаются в утверждающую их в роли хозяев собственной судьбы иллюзию. В этой уютной роли

счастливицам удается просуществовать всю жизнь, но есть и те, кому суждено испытать, как непонятное нечто, вторгаясь в уютное настоящее, взрывает привычный уклад. Вспышка, в последний раз осветив привычную реальность, мгновенно уносит ее, и, словно просыпаясь, начинаешь жить в новом мире. Ей стало не по себе от этих мыслей, неудержимо захотелось остановить этот водный поток, вернувшись в привычную картинку.

Словно уступив ее желаниям, дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Ярко засияло солнце... Вера, затаив дыхание, наблюдала, как, поглощая мир полуразмытых теней и освещая улицу, дома, деревья, оно возвращает ей знакомый пейзаж. Она хотела запомнить его таким. Покинув гостиницу, она вдохнула кристальную, разлитую в воздухе свежесть и улыбнулась. Солнце, словно соревнуясь с потесненным дождем, светило необыкновенно ярко, ослепляя прохожих, отражаясь в исчезающих лужах. Вера не спеша прогуливалась под кронами развесистых деревьев, наблюдая, как подрагивают ветки от прикосновения легкого ветерка, и, словно торопясь избавиться от капель, резко сбрасывают их на землю, а те в медленном полете встречают гуляющую под деревьями девушку. Ощувив, как стекают по коже теплые капли этого неожиданного дождика, Вера тихо засмеялась: она всегда любила прогулки под дождем, и, пусть прошедший ливень не стал идеальным спутником, ее все же догнало его скромное послание.

Вера не планировала этот день, полностью доверившись Дану. Утро началось с сюрприза – первое место, которое они посетили тем ранним утром, еще почти безлюдное, не могло оставить равнодушной Веру, чья любовь к книгам легко читалась в выбранном ею факультете: улица Книг – Чанг Тиен. В большом книжном магазине они задержались почти на час, в результате чего ее книжная коллекция пополнилась очередной биографией любимого художника – Ван Гога, биографией Барышникова и несколькими прекрасными фотоальбомами.

– Готов поспорить, тебе понравится эта книга.

Дан протянул ей «Большие надежды» в необычном переплете.

– Это мой любимый роман Диккенса! – улыбнулась Вера. Увидев год издания с удивлением произнесла: – Ничего себе! 1929 год, Лондон! Представляешь, какая у нее история!

– Почти 80 лет жизни! – кивнул он. – Она тебя ждала.

– Смейся, смейся! Вещи, как и люди, находят свою судьбу, несмотря на время и расстояния.

– Ого! – он улыбнулся. – И эта девушка высмеивала свадьбу и голубей!

– Это совсем разные вещи! – серьезно произнесла она. – Не сравнивай китч и провидение.

– Ты веришь в судьбу? – задумавшись, спросил Дан.

– Верю. Во многом человек бессилен. Вспомни древнегреческие трагедии.

– Нет, – уверенно возразил он, – человек далеко не так бессилен.

– Может быть, – Вере не хотелось спорить, ей импонировала его точка зрения. – Хочется верить.

Магазин наполнился голосами громко переговаривающихся туристов, и они поспешили к выходу.

Когда перед ней открылся вид на Западное озеро, Вера в восхищении замерла. Она была убеждена, что после озера Возвращенного меча невозможно поразить ее воображение, и даже планировала вернуться к нему сегодня, но Дану удалось переубедить ее и привезти сюда. В этом красивейшем месте они провели оставшиеся часы.

– Осенью здесь еще красивее, – сказал Дан. – Ты обязательно должна побывать здесь осенью и весной.

– Вряд ли мне выпадет еще один полет в Ханой в этом году, – печально покачала головой Вера.

– Я обещаю тебе путешествие по Вьетнаму этой осенью. Тебе понравится.

– Ты не торопись? – Вера вздохнула.

– Нет, – уверенно ответил он. – Вьетнам, Лаос и Камбоджа, так и запиши в своем еженедельнике.

– Я запомню, – засмеялась Вера.

Во время прогулки на катере, вслушиваясь в рассказ гида об истории этого удивительного места, дворцах и пагодах, красующихся на берегах озера, Вера с удивлением отмечала, что с трудом воспринимает сказанное, настолько далеко унеслись ее мысли. Она вынесла лишь самую базовую информацию о том, что озеро является самым большим озером города и когда-то было частью русла Красной реки. Впрочем, недовольно отметила она, не хватало отличаться, не запомнив и это.

Они сидели в кафе на берегу; не в силах отвести взгляд от воды, Вера ощущала, как медленно, капля за каплей, ее, словно сосуд, заполняет острая, щемящая грусть. Ей было на удивление хорошо, и мысль о том, что совсем скоро придется уходить, была неприятна. Даже больше – ей безумно не хотелось уезжать из Ханоя. В сознание упорно вторгалось иррациональное детское желание сбежать, спрятаться, а когда самолет уже будет в воздухе, вернуться в отель.

– Вера, – негромко окликнул ее Дан, – не грусти.

– Не знаю, что со мной, – приглушенно проговорила она. – Странное чувство... Не хочу возвращаться. Что будет, если я исчезну и меня не смогут найти до отлета?

– Не стоит, – он едва заметно покачал головой. – Я тебе обещаю, что скоро ты сюда вернешься. Хочешь, я сейчас же закажу тебе билет на любое число? Только не грусти.

Вера улыбнулась. Незаметно для себя самой она перестала спорить с ним, стараясь победить в каких-то нелепых поединках, отстаивать никому не нужную территорию. Ее удивляли сменившие вчерашнюю сумятицу уверенность и странное спокойствие: все страхи и сомнения испарились, и она поверила в их историю. Ничего не изменится с возвращением домой, отчетливо понимала Вера, и, глядя на него, она точно знала, что он понимает это не хуже ее. В тот день, гуляя по берегу озера, они болтали обо всем и ни о чем, и Вера, сбросив маску, чувствовала себя удивительно легко и свободно, рассказывая о своей жизни, семье, детстве. Впускать в свой мир этого еще вчера чужого человека было настолько естественным, что моментами ей начинало казаться, будто после долгой разлуки она делится личными подробностями с кем-то давно знакомым и близким. Ей очень нравилось это ощущение, как и волнение и смутная радость, с которыми она была не знакома прежде, а теперь испытывала непрерывно. А стоило ему оказаться рядом, сердце начинало биться чуточку сильнее...

– Знаешь, – тихо сказал он вдруг, – я с первого момента знал, что мы будем вместе.

– Мы будем вместе? – отозвалась Вера и опустила голову, понимая, что ответ чересчур очевиден.

Несколько часов пронеслись, как минута. Пришло время возвращаться. Они быстро добрались до гостиницы, а два часа спустя Вера вновь превратилась в изящную стюардессу, замурованную в униформу. Двери лифта распахнулись. Бросив последний взгляд на свое отражение: идеально собранные в узел волосы, легкий макияж, на шее – платок, Вера вышла в холл, катая за собой привычный тролли. Почти все уже спустились.

– У тебя глаза сверкают! – шепнул Ноам. – Рассказывай!

– Не спеши! – Вера улыбнулась. – Определенно, в этой поездке меня окружают нетерпеливые мужчины!

– Спасибо за комплимент! – хихикнул он. – Ты хотя бы кивни: ты поняла, что я был прав? Вера кивнула. Подошедший Дан поспешил увести Веру в сторону.

– Какая ты красивая... – он с восхищением смотрел на нее. – Только не надо про банальности. Я не знаю, как заменить эти слова.

– Банально, – шутя вздохнула Вера, – но что поделать! У всех свои недостатки.

– Завтра вечером я ужинаю у родителей, – серьезно сказал Дан и констатировал, – ты идешь со мной.

– Зачем? – Вера с удивлением смотрела на него, гадая, не шутит ли он.

– Чтобы познакомиться, зачем же еще? – И насмешливо добавил: – Не бойся, они не едят стюардесс.

– У них уже развился иммунитет, – ужаснулась Вера. – Как ты собрался меня представить?

– Как мою девушку, – опять этот нетерпящий возражений тон.

– С которой ты знаком три дня! – язвительно напомнила она. – Узнав об этом, они заподозрят меня в приворооте.

– Увидев тебя, они все поймут.

– Пожалей их, они переполошатся, решив, что это жуть как серьезно!

– Это жуть как серьезно, – подтвердил Дан, глядя ей в глаза. – Прекращай спорить, ты все равно согласишься. И потом, – добавил он, – я вчера купил тебе подарок, но до завтрашнего вечера его не распаковать.

– Что-то ты слишком активничаешь с подарками, книги, путешествия, что дальше? Рискуешь взять высокую планку, – иронично отметила она, – а я люблю подарки, особенно, когда они идут по нарастающей.

– Это хорошо, – улыбнулся Дан, – нужно уметь принимать то, что тебе полагается.

– Мне нравится ход твоих мыслей, – Вера засмеялась.

– Значит, завтра у тебя ужин, – уточнил он.

– Да, – кивнула Вера. – Мне даже не терпится посмотреть, кто тебя воспитал таким упрямым.

Веру окликнули. Обернувшись, она увидела, что все направляются к выходу и вопросительно смотрят на нее. Вообще-то за ними давно наблюдали, только Вера этого не заметила. В эти минуты меньше всего на свете ее заботило любопытство случайных знакомых. Дан ехал отдельно, и, попрощавшись, Вера поспешила присоединиться к остальным.

– Увидимся в самолете, – сказал он, удержав ее руку.

– В самолете, – улыбнулась Вера и, высвободив руку, не оборачиваясь, направилась к выходу.

Провожая взглядом точеную, грациозную фигурку, Дан испытал непонятное беспокойство, наблюдая, как она удаляется и через несколько секунд исчезает из вида.

По дороге в аэропорт на Веру многозначительно поглядывали жаждущие подробностей коллеги. Погрузившись в мысли, она смотрела в окно, игнорируя любопытные взгляды. «Неужели я влюбляюсь? – спрашивала она себя и с удивлением отмечала: – Вот это поворот!»

– Вера, – голос Таля звучал, как царапающий стекло гвоздь, – ты теперь несвободная девушка?

Вера посмотрела на него и с недоумением отвернулась.

Они шли по служебному коридору, когда их окликнул сотрудник таможни, попросив задержаться на более тщательный осмотр, что не могло не вызвать удивления, так как экипажи никогда не осматриваются детально. «Должно быть, это связано с тем, что рейс новый и с сотрудниками компании в аэропорту не знакомы», – предположил командир экипажа и первым раскрыл багаж.

Затянувшийся осмотр скорее походил на проверку подозрительных особ в израильском аэропорту, но никак не на проверку членов экипажа известной авиакомпании. Проверяли все без исключения содержимое чемоданов-тролли, тщательно изучая вызывающие интерес вещи. Веру осматривали предпоследней. Она недовольно поморщилась, когда дотошный сотрудник, открывая коробочки с кремами, бесцеремонно влез туда пальцами и, достав капельку содержимого, поднес к носу. «Что вы делаете?» – не удержавшись, воскликнула она, и тут же при-

нялась рассуждать о том, что, не доезжая до дома, придется заехать в магазин за новыми косметическими помощниками.

Когда очередь дошла до статуэтки, Веру засыпали вопросами: что это? Где куплено? Зачем? Вызвавшую недоуменный интерес вещь ошупывали, переворачивали, пытаясь раскрутить и даже ударить легонько о стол. Лаковая коробка, в которой она хранилась, также подверглась детальному изучению. Вера испытывала дискомфорт от самой формы осмотра, агрессивной, безапелляционной, и в надежде понять, что происходит, бросала удивленные взгляды на Орена и командира экипажа. Наконец, все закончилось. Бронзовая красавица вернулась в коробку, и, с облегчением вздохнув, Вера, подойдя к тролли, принялась наводить порядок в учиненном разгроме. Неожиданно ее окликнул вошедший в комнату мужчина в форме и попросил отойти. Глубоко вздохнув, она вынужденно сделала шаг назад. Вынув статуэтку, мужчина завертел ее в руках. «Может, она краденая, – промелькнула мысль, – и ее конфискуют?» Вера заметно напряглась. Поднося статуэтку к яркому свету, он изучал каждый сантиметр, ошупывая и поворачивая ее в разные стороны, как вдруг раздался щелчок. Затаив дыхание, Вера наблюдала, как с нервным скрипом откручивается пьедестал... мерзкий-мерзкий скрип, словно предвестник несчастья, будет возвращаться к ней в кошмарах долгие годы. Наконец, бронзовая танцовщица отделилась от основания, и, резко притормозив, мужчина на минуту замер. Было что-то ужасно театральное в этой сцене, напряжение которой начинало давить на застывшую в ожидании продолжения Веру. Раздался громкий нервный голос, и люди в форме пришли в оживление. Не спеша вернувшись к столу, он аккуратно опустил статуэтку и, не сводя с Веры глаз, медленно вытянул из пьедестала небольшой прозрачный пакет, наполненный каким-то белым порошком. Пьедестал с грохотом опустился на стол. Пакет с порошком остался в его руке. Мужчина, не мигая, смотрел на Веру.

– Что это? – с неподдельным удивлением спросила она.

Не произнося ни слова, он поднял над столом статуэтку и принялся извлекать один за другим маленькие пакетики, готовые вот-вот разорваться от переполнявшего их белого вещества.

Вера, оглянувшись, попятилась, увидев искаженные лица всех без исключения членов экипажа. Словно в замедленной съемке, перед ее недоумевающим взглядом проносились они: вот Ноам, растерянный и испуганный, а вот Лия с перекошенным от удивления лицом, Таль улыбался, будто его посетил нервный тик, Шели смотрела на стол немигающим взглядом, Моран прижимала ладони к лицу, а Ирит отвернулась к стене. Командир экипажа опустился на стул и закрыл лицо руками. Подобно болезненному уколу, подействовала на нее реакция опытного летчика – она мгновенно поняла, что произошло что-то очень серьезное. Орен поспешно подошел к ней и словно издали до нее донеслись его слова:

– Вера, все будет нормально. Держись!

«Зачем мне держаться, – недоумевала она, – что происходит???» Она хотела спросить, но не успела, горло словно сжала железная рука. А через минуту ее схватили и, больно выкрутив руки за спину, щелкнули наручниками. «Вы делаете мне больно», – едва слышно проговорила она, но ее не слушали. Выкрикивая непонятные слова, схватив за локоть и указывая на коридор, ее стремительно тащили вперед. Обернувшись, Вера бросила последний взгляд на членов экипажа, застывших, словно статуи, в тех же позах, провожающих ее шокированными взглядами.

Глава 2. Добро пожаловать в ад из серого бетона...

*Бесполезно молиться, – сказал ей офицер
уже без прежней лобезности. – В августе и у Бога отпуск.
Габриэль Гарсиа Маркес. Двенадцать рассказов-странников*

Как долго длилась эта поездка? Два часа, больше? Машина подъехала к бетонному зданию, окруженному высоким забором с проволокой. Вере казалось, что у нее не осталось сил сдвинуться с места. Голова кружилась, к горлу подкатывала тошнота, и, когда, наконец, ей удалось встать и сделать несколько шагов, случилось нечто странное: земля под ногами, раскалываясь, образовывала щели, разрастающиеся с каждой минутой. Она растерянно замерла, глядя на них, затем, вскинув голову, посмотрела на небо – пронзительно-голубое, как в день прилета. Перед глазами мелькали и расплывались лица, контуры серого здания, высокий забор. Солнце безжалостно пекло, обжигая кожу. Ноги подкосились...

Открыв глаза, Вера увидела склонившееся над ней лицо мужчины в серой форме. Он что-то прокричал, и через минуту рядом откуда-то возникла женщина в такой же серой форме и протянула ей стакан воды. С жадностью сделал глоток, Вера скривилась: вода была отвратительно теплой, несвежей, со странным привкусом. Она замешкалась, беглым взглядом окинула небольшой кабинет с решетками на окнах и старым еле работающим вентилятором. Безумно хотелось пить, но омерзительная жидкость вызывала тошноту. Помедлив секунду, она отставила стакан в сторону и тихо произнесла:

– Холодная вода... я очень хочу пить. Пожалуйста!

– Вода, – мужчина показал ей на оставленный стакан.

Вера почувствовала, что расплакаться сейчас все равно, что начать активно барахтаться в воде при виде акулы. Они проверяют ее на прочность... что ж...

– Послушайте, – она глубоко вздохнула и, посмотрев в глаза мужчины, проговорила медленно, четко выговаривая слова, – я не пила со вчерашнего дня! Если со мной что-то случится по вашей вине, вам придется объясняться с консулом моей страны. Хочу вам напомнить, что даже осужденный имеет право на еду и питье.

– Не волнуйтесь, – холодно отозвался «серый» человек на неплохом английском, – вы получите все необходимое в отведенные часы, как остальные заключенные.

– В отведенные часы после обморока? – насмешливо поинтересовалась Вера.

– Стакан воды вы получили. Не примените рассказать об этом вашему консулу.

– Не беспокойтесь, – улыбнулась Вера, – у меня хорошая память.

Мужчина смерил ее долгим взглядом и громко обратился к стоящей у двери женщине, после чего вскочил и быстро заходил по комнате, искоса поглядывая на Веру. Несколько минут спустя в дверях показалась женщина с железным подносом, на котором стояли кувшин с водой и тарелка с салатом и рисом. Поблагодарив, Вера осторожно поднесла к губам стакан с водой, ожидая подвоха, и удовлетворенно вздохнула: вода была нормальной комнатной температуры и пусть не охлаждала в такую жару, но хоть как-то утоляла жажду. Поймав себя на этой мысли, она пришла в ужас: как оказывается просто за несколько часов заставить человека ценить стакан воды, обыкновенный стакан воды! «Ловко же вы работаете!» – отметила она про себя. «Серый» человек с любопытством смотрел на нее. Вера медлила, не желая дотрагиваться до риса под его бдительным присмотром.

– Утощайтесь, – неожиданно приветливо произнес он.

Придвинув тарелку, она не спеша принялась за неожиданный завтрак.

– Я делаю для тебя исключение, – прозвучал самодовольный голос, – надеюсь, ты запомнишь и оценишь.

Подчеркнуто покровительственный тон окончательно привел ее в чувства, и, подняв глаза, она столкнулась с изучающим взглядом серого человека. Он осматривал ее откровенно, нагло, ощущая себя хозяином положения, а ее... Слабость отступила, и Вера, как всегда случалось в неприятные моменты, почувствовала странный прилив энергии: не зря во время симуляции экстренных ситуаций инструкторы не раз отмечали ее способность собраться в критический момент. И действительно, в ней словно раздавался щелчок, и она начинала действовать хладнокровно и механически, словно выполняя приказы бесстрастного голоса, доносящегося откуда-то изнутри. Так и сейчас, инстинктивно почуяв опасность, она мобилизовала силы на борьбу с ней.

– Я запомню! – Вера смерила его холодным взглядом. – стакан воды и тарелку риса невозможно забыть. Советую и вам не забывать о ваших прямых обязанностях.

– Если думаешь, что таким будет твой ежедневный обед... ты сильно ошибаешься, – он вышел из себя.

– Меня вполне устроит стандартный обед других заключенных. Надеюсь, за регулярность мне не придется быть признательной?! – Вера отставила тарелку и, дежурно поблагодарив, поднялась.

Когда ее вели по коридорам, мимолетную вспышку сил сменил накатывающий прилив слабости. Унизительные проверки, уготовленные всем новоприбывшим, казались бесконечными. Она на секунды закрывала глаза, сиюсь унести далеко от этого места, вспоминая причудливые узоры капель дождя на стекле. Наконец ей выдали форму: широкие, не по размеру, кофту и штаны в болотную полоску. В порыве, не поддающемся контролю и здравому смыслу, Вера упиралась, не желая расставаться со своими вещами. В тот момент одежда приобрела иной смысл – она отчаянно цеплялась за нее, как за клочок прежней жизни, крошечную частичку своего «я». Осознавая, что, по сути, это ничего не изменит, она была бессильна совладать с собой, ей казалось, что, натянув на себя эту безликую тюремную форму, она исчезнет и родится другая Вера – заключенная, сливающаяся с сотнями таких же, как она, людей в болотной полоске, бесправных и несчастных. На нее кричали, а она медлила, как во сне, судорожно хватаясь сначала за блузку, потом за джинсы. Одна из тюремщиц, заорав, ударила резиновой дубинкой рядом с рукой Веры, надеясь, что та разожмет ее, и замахнулась еще раз, но, не ударив, резко опустила руку. Возможно, ее остановил полный ужаса и изумления взгляд. Вера, вздрагивая, наблюдала, как ее вещи резко ускользают из рук и, наконец, стиснув зубы, натянула ненавистную одежду.

Тюремщица, больно вцепившись в локоть, тащила ее по коридору. Эти минуты навсегда поселятся в памяти: коридор, по обе стороны которого железные двери с крошечными отверстиями и удары дубинкой о стены. К этому звуку ей еще предстоит привыкнуть. Вера ускорила шаг, стараясь не отставая избежать криков, но рука, просто так, удовольствия ради, продолжала грубо толкать ее вперед. «Ну вот, – пронеслась мысль, – я учусь подстраиваться под чужие шаги. В первый день! Что дальше?» Железная дверь отворилась, в последний раз ощутив толчок в спину и услышав удар дубинки о железо, Вера оказалась в темной камере. Дверь захлопнулась. Стоя в полумраке, она огляделась: в маленькой камере не было окна, единственный источник света поступал через крошечное отверстие в двери. Тесное, душное, замкнутое пространство кишело людьми. Вера насчитала шесть человек, некоторые полулежали, и она в замешательстве отметила, что им едва хватает места вытянуть ноги. Но самым кошмарным был воздух: зловонный, спертый, удушливый... воздух, в котором не может существовать живой человек. Обитатели камеры с интересом изучали прислонившуюся к стене девушку. Вера старалась сдерживать дыхание, настолько омерзителен был каждый вдох. Ноги подкашивались, ей вдруг стало очень плохо и очень страшно. Она не заметила, как медленно сползла по стене и оказалась на полу. В шаге от себя увидела вделанный в пол небольшой железный чан, и через минуту склонилась над ним, чувствуя, как выворачиваются внутренности. С трудом подняв-

шись, дрожа, Вера попыталась найти воду, но донесшийся издали голос объяснил ей, что воды в камере нет. Ей указали на ее место – на крошечном клочке бетонного пола лежала соломенная подстилка. Этот кусок, поближе к сортиру, ей выделили как новенькой, лучший придется отвоевывать. Беспомощно опустившись на пол, Вера почувствовала, что разрывается: она лежала здесь, в зловонной камере, в окружении незнакомых людей, вдыхая запах немытых тел и отходов человеческой жизнедеятельности, а на нее глазели с любопытством, как на зверюшку в зоопарке. Ей захотелось исчезнуть, закрыться, запретить им разглядывать себя в таком состоянии. Но все, что у нее теперь было, – это крошечный кусочек бетонного пола и подстилка из жесткой соломы. Она отвернулась к стене и беззвучно заплакала. «18 августа 2006 года, – отметила про себя Вера. – Черный день в моем календаре».

***

Шли минуты, часы, Вера, не шевелясь, лежала на соломенной подстилке, провалившись в лихорадочный полудрем, но даже эти минуты не дарили облегчения: она всегда знала, где окажется, проснувшись; ни на секунду со дня ареста забвение не дарило ей иллюзию, что происходящее есть лишь дурной сон. Хотя, кто знает, может оно и к лучшему? Каждый вдох давался с трудом, но, если в первые минуты она панически боялась задохнуться, теперь же с удивлением констатировала, что продолжает дышать. «Неужели от этого воздуха не умирают?» – спрашивала она себя. Ей казалось, что зловонный воздух, наполняя легкие, засоряет их гниением. Окружавшие ее дышали ровно, не прилагая особых усилий, – как им это удавалось? Ведь к этому невозможно привыкнуть, с этим невозможно смириться. «Не знаю за какие преступления люди отбывают наказание в этой тюрьме, но те, кто создают им подобные условия, совершают не меньшее преступление», – размышляла она. Было что-то античеловеческое в окружающей обстановке: в крошечной темной камере, в жутком воздухе и антисанитарных условиях. Здесь словно отрицалась жизнь с ее яркими красками, солнцем, чистым воздухом и создавалось искусственное подобие преисподней. Да, если бы можно было представить ад, Вера наполнила бы его этим запахом, мрачностью, обреченностью. Нарочито, агрессивно заключенному демонстрировали, что его человеческая сущность осталась за пределами тюрьмы, внутри которой он превращается в тень, в жалкое подобие человека. Его лишали главного – самоуважения, чувства собственного достоинства, пытались превратить в животное. Все ее существо восставало против происходящего; нарастающие гнев и злость возвращали силы. Голова кружилась, больно ныл живот, но глубоко внутри раздался щелчок, и Вера ощутила, что переживает знаковый момент: если у нее не хватит сил подняться сейчас, то моментально ослабнув, она пойдет ко дну. «Неужели, – сказала она себе, – я так слаба, что сломаюсь в самом начале? Облегчу работу этим нелюдям? А когда докажут мою невиновность, выйду отсюда с печатью этого дикого места? Нет! Я не позволю им сломать меня. Скоро, скоро все это закончится, а пока я научусь защищать себя». Приподнявшись и сжав руку в кулак, Вера едва слышно проговорила: «Я буду дышать даже этим воздухом, но буду дышать! И пить вашу затхлую воду, и есть ваши помои! А потом выйду из этого крысятника и забуду об этом навсегда!» Оглянувшись, она увидела, как, поглядывая на нее, люди тихо переговаривались на непонятном языке.

Сколько времени прошло? – силилась подсчитать она, но путалась все больше. Само понятие «время» обрело в этих застенках иной смысл. Казалось невероятным, что тут вообще течет время, потому нереально было понять, сколько же прошло: час, два, полдня. А ведь где-то, совсем недалеко отсюда, люди продолжают жить. И солнечный свет, и свежий воздух, и глоток воды остаются для них обыденными вещами... как и для нее еще десять дней назад. «Когда я выйду отсюда, начну по-настоящему ценить жизнь, по-настоящему ею наслаждаться», – пообещала себе Вера. Она пыталась узнать у сокамерниц, когда обед или ужин, но они не понимали ее. Только одна девушка, забитая и замкнутая, по имени Нгуэт, знала

немного английский, но выглядела подавленной и говорила с трудом. Убедившись в невозможности получить вразумительный ответ, Вера вновь погрузилась в свои мысли. А еще, переступив порог камеры и почувствовав недомогание, она осознала: помощь отныне придется черпать только в себе самой. Закончатся силы, никто не подаст руки, как в те, первые минуты... никто не интересовался ею тогда, не поинтересуется ни сейчас, ни в будущем. Ее это не удивило и не рассердило, она просто пыталась принять этот факт как данность, отметив, что в целом несколько наивно ожидать сострадания от посторонних людей. Протянутая рука в этом месте начинала представляться чем-то инородным, равнодушие, напротив, вливалось в чудовищные декорации, подобно штриху, без которого картине не суждено обрести завершенность.

А потом послышались шаги, громкие голоса, и дверь открылась. Всех обитателей камеры вывели в коридор, построили в два ряда и куда-то повели, вернее погнали. Спускаясь по лестнице, Вера с удивлением обнаружила, что крики и шум от ударов дубинок не действуют на нее, как в первые минуты. Она удовлетворенно улыбнулась, отметив, что перестает вздрагивать, зажиматься, а значит, запугивания теряют свою первоначальную эффективность. Через какое-то время их подвели к широкой двойной двери, где уже находились другие заключенные. Вера с интересом разглядывала окружающих. Всем выдали старые тряпки и кусок мыла. Покрутив его в руках, Вера пришла к выводу, что их собрали для выполнения тюремных работ, скорее всего уборки, и снабдили необходимым материалом. Но, когда их ввели в просторную комнату, она признала, что ошиблась: здесь мылись заключенные, тряпка оказалась полотенцем, а мыло предназначалось вовсе не для стирки белья или мытья полов. Сама комната производила мерзкое впечатление: узкое, прямоугольное пространство, две стены – одна против другой, на протяжении которых тесно приделаны прямо в потолке лейки душа. Ни отделяющих перегородок, ни занавесок, ничего. По образовавшемуся в центре коридору сновали тюремщицы. В воздухе запах невымытых тел смешался с мерзким химическим запахом, своеобразной смесью бензина и средства от тараканов. Когда очередная группа заключенных выстроилась и направилась к входной двери, их провели за угол, где стояли деревянные скамейки, на которых они оставляли одежду.

– Пять минут, – сказала по-английски тюремщица, обращаясь к Вере и выставив пять пальцев, повторила, – пять!

Все поспешно разделись, и только Вера, испытывая дискомфорт, растерянно вертела в руках кусок мыла. Тюремщица показала на часы. Вера медлила.

– Это, – она покрутила в руке мыло, – для мытья?

Надсмотрщица непонимающе уставилась на нее.

– Но, послушайте... Мне кажется оно несвежее, вы не могли бы его поменять?

– Что не так? – женщина в форме поморщилась.

– Странный запах, – с уверенностью произнесла Вера, – я думаю, оно протухло.

Надсмотрщица, уставившись на новенькую, выпучила глаза.

– Пять минут! – она повысила голос.

– Дайте мне нормальное мыло и засекайте пять минут! – прозвучало в ответ.

Вера не могла видеть, как за углом выстроилась новая группа заключенных, и высокая женщина с иссиня-черными волосами, с интересом вслушиваясь в разговор, еле сдерживала смех.

– Какая-то новенькая, – обратилась к ней по-английски стоявшая рядом заключенная.

«Откровенно провоцирует, или просто дура?» – подумала брюнетка.

До них снова донеслись голоса:

– Твое время истекает, – тюремщица вышла из себя.

– Вы не понимаете, – возразил мягкий, немного насмешливый голос, – если использовать протухшее мыло, может развиться кожная болезнь!

– Молчать, – взвизгнула та, – к выходу!

– Послушайте, – голос звучал на удивление спокойно, – вы после этого мыла что-то выдадите?

– Что??? – какой мерзкий визг, почти пороссячий.

– Какой-то крем, масло, не знаю, что может помочь после такого...

Смех донесся из-за угла, и Вера, пораженная этим неожиданным проявлением жизни, осеклась. Как странно слышать здесь смех! Она ни на грамм не сомневалась, что появление в комнате слона произвело бы на нее эффект, куда менее оглушительный, чем эта, казалось, банальная человеческая эмоция. Тюремщица окончательно взорвалась и со всей силы ударила дубинкой о деревянную скамью. Резко обернувшись, Вера, не раздеваясь, направилась к свободной душевой. Надсмотрщица остановила ее, больно впившись ногтями в руку, и потянула к выходу.

– Я помоюсь, – холодно произнесла Вера, – быстро довести меня до состояния дикарки не в ваших интересах. Не забывайте: я иностранная заключенная, за мной следят на дипломатическом уровне!

Эта тирада, половину которой надсмотрщица не поняла, подействовала незамедлительно. Сдержанная холодность и неожиданная уверенность выбили почву из-под ног у собачонки с дубинкой. Глядя в спину стоящей под струей ледяной воды Веры, она чувствовала, как неприязнь к этой выскочке пускает в ней корни.

Высокая темноволосая женщина, замедлив шаг, на секунду притормозила, с любопытством окинув изучающим взглядом рассмешившую ее несколько минут назад девушку. На удивление красивые пропорции и изгибы точеного тела смотрелись необыкновенно чужеродно в этом диком месте. «Какая красивая Вещь», – отметила она. Большинство женщин, пока еще незнакомка определяла именно так – «вещи». В ее мире женщина воспринималась как вещь, за исключением редких случаев, одним из которых была она сама. Вещи могли быть красивыми и не очень, часто встречались совсем недостойные внимания, вызывающие презрение «недовещи», и только редких представительниц своего пола она называла и считала людьми.

Почувствовав чей-то пристальный взгляд, Вера, резко обернувшись, краем глаза успела поймать поспешно удалившуюся темноволосую женщину.

***

День, еще день и еще... Четвертый день Вера находилась в тюрьме, и эти дни обернулись кошмаром. Она лежала на своей подстилке на бетонном полу и, испытывая нарастающее бессилие, ощущала, как капля за каплей из нее вытекают силы. После данного себе в день перевода в тюрьму обещания она почувствовала себя намного сильнее морально, и эта уверенность крепла в ней с каждым днем, но удар пришел совсем с другой стороны – она угасала физически. Дважды в день через дверной проем поставлялась еда: небольшая щепотка риса или отвратительная жидкость, имитирующая суп. Пересиливая отвращение, Вера, вдыхая зловонный воздух, заставляла себя есть, но всего несколько минут спустя еда отказывалась задерживаться в организме. «Я заболею вынужденной булимией», – с ужасом думала она. Тело оказалось сильнее и начинало диктовать свои условия. И как ни старалась она убедить себя, что причина носит психологический характер, все повторялось, и она слабела на глазах.

Отрезанность от мира с каждым днем тяготила все сильнее: никаких новостей, звонков, контактов. Часто вспоминая самолетную «катакомбу», Вера с грустью усмехалась: знала бы она тогда, как выглядят настоящие катакомбы. Ей начинало казаться, что она, подобно вампиру, отвыкает от солнечного света, настолько приспособились глаза к постоянной темноте. Ее соломинкой в те дни стала непоколебимая уверенность в том, что совсем скоро это закончится. «А ведь некоторые люди проведут здесь годы», – думала она и каменела от этой мысли. С каждой проведенной в тюрьме минутой в ней росла неконтролируемая ненависть к этому месту, где людей словно замуровывали живьем, и, закрывая глаза, Вера представляла, с каким

наслаждением выйдет отсюда. В том, что это станет самым счастливым днем ее жизни, она больше не сомневалась.

На пятый день Веру повели на допрос. Она была настолько обессилена, что говорила с трудом. Человек в форме заподозрил: не понимая с первого раза заданные вопросы, допрашиваемая насмехается, и усилил давление. Крики, угрозы, запугивания слились в бесконечный словесный поток, он нарастал, затем отступил, и Веру на несколько секунд укрыла тишина. Следователь воззрился на нее почти с удивлением – потеря сознания у него на глазах послужила достаточным доказательством не притворства. Ее грубо привели в чувства, облив холодной водой, и продолжили допрос.

– Я не могу есть, – глядя в глаза следователю, сказала она, игнорируя вопрос, на который отвечала сотни раз, – вы понимаете, какие могут быть последствия?

– Вас не кормят? – вопрос звучал риторически.

– Кормят, – кивнула Вера, – как всех. Но, как видите, результат плачевный. Мне нужен врач.

– Который будет вас кормить? – издевательски поинтересовался следователь.

– Если вы собираетесь продолжать в том же духе, не бойтесь, что я не дотяну до суда? – с грустью отозвалась она. – Я не ною, мне, действительно, плохо. Я не ем и почти не пью.

– Это ваши проблемы. Вы получаете еду и воду наравне с остальными. У вас нет привилегий.

– Вам до меня, естественно, нет дела, у вас очень специфическое отношение к заключенным, но вынуждена напомнить: у меня гражданство другой страны! – Вера ринулась в бой. – Моим состоянием интересуются и продолжают интересоваться. Видите ли, я живу в маленькой стране, в которой ежедневно выходят несколько газет и их нужно заполнять. Не сомневайтесь: моя история получит широкую огласку, если еще не получила. Как будет выглядеть ваша судебная система, если до суда вы «наградите» меня серьезными проблемами со здоровьем? Я ведь не собираюсь ничего скрывать.

– Очень неразумно с вашей стороны запугивать нас, – ей удалось в считанные минуты вывести его из себя, и он отметил, что, защищаясь, она испытывает прилив сил. Ничего, как только поймет, что тратит силы впустую, сдуется, как воздушный шарик, и, взяв себя в руки, он холодно проговорил: – Мне кажется, вы до сих пор не поняли: вы совершили преступление в этой стране и понесете наказание здесь в соответствии с местными законами, на которые не может и не имеет права влиять ни ваше консульство, ни тем более ваша пресса. Вам ясно?

– Есть еще организации защиты прав человека! – напомнила Вера.

– Вы думаете, нам есть до них дело? – усмехнулся он и, посмотрев ей в глаза, добавил: – Преступление, в котором вы обвиняетесь, в любой стране мира карается соответственно.

– Смертной казнью? Пожизненным заключением? Где??? – ее голос резко упал.

– В Таиланде, Лаосе, Сингапуре, Китае... Продолжать?

– Послушайте... – Вера вздохнула, – речь не об этом. Не забывайте, что мою вину необходимо доказать. Вы не имеете права так со мной обращаться! Если меня осудят... В любом случае, даже осужденный имеет права на медицинскую помощь, или я ошибаюсь?

– В вашем случае в этом нет необходимости. Вы избалованны, подавлены. Может, пригласить к вам психолога? – он откровенно издевался.

– Ладно, – Вера смотрела в холодные змеиные глаза, – в ближайшее время со мной что-то случится, и вы будете отвечать за мое здоровье перед своим начальством. И не говорите, что им нет дела, – она поспешила опередить его. – До меня, разумеется, нет, а вот скандалу с доказательствами ваших изверств они вряд ли обрадуются. Так и вижу заголовки газет: «подозреваемая искалечена во вьетнамской тюрьме», или «ее невиновность доказана, но она покидает тюрьму инвалидом...» Какая прелесть! Ваше имя я не забуду, память вы мне не отшибете, уважаемый!

– Хватит! – он ударил рукой по столу. – У вас еще хватает наглости играть роль жертвы! У наркокурьера, провозившей героин черт знает в какой раз!

– Я не наркокурьер! – сердце бешено колотилось. – Меня подставили!

– Вас взяли с поличным! 960 грамм! – следователь, не мигая, смотрел на нее. – Если расскажите правду, значительно улучшите свое положение. Откуда у вас наркотик? С кем вы работаете?

– Меня подставили! – с отчаянием в голосе произнесла она. – Я ни разу не видела героин до...

– Кто вас подставил? – устало спросил он. – Кого подозреваете, какие факты готовы предъявить?

– Не знаю, – она бессильно покачала головой. – Это мог быть любой из членов экипажа. Я ничего подозрительного не заметила.

– Ничего подозрительного... – повторил он. – Где ваши члены экипажа?

– Не знаю... – Вера начинала понимать ход его мыслей, и все ее существо сжалось от ужаса.

– А вы здесь! – он опять поймал ее взгляд. – Вы здесь! И потом, у нас не было оснований кого-либо задерживать, кроме вас.

Возвращаясь в камеру, Вера чувствовала, как железная леденящая рука страха, дотрагиваясь до горла, сжимает его. Та самая рука, прикосновение которой она впервые ощутила во время ареста, и не смогла вымолвить ни слова. Теперь страх стал другим: осознанным, всепоглощающим, он подступал к ней медленно, и она начинала узнавать его шаги. Вера и страх становились хорошими знакомыми. Рядом со страхом нередко появлялся его верный спутник – ужас, и вместе эта парочка способна была парализовать в считанные минуты. Она знала: у них есть еще один верный друг, он выходит на сцену, когда Страх и Ужас завершают свою работу, и, появляясь в роли триумфатора, овладевает парализованным человеком без остатка, он, вернее оно, – Отчаяние. Она познакомилась с ним, когда впервые войдя в камеру и едва переступив порог, бессильно сползала по стене. Ей чудом удалось прогнать его. Отчаяния Вера боялась больше всего, оно кружило где-то рядом, не приближаясь, терпеливо выжидая, превращаясь в ее главного врага. Она понимала: нельзя подпускать его близко, ни за что, никогда. Сейчас, казалось ей, это вопрос жизни и смерти.

«Где ваши члены экипажа? – слова следователя продолжали звучать в камере. – А вы здесь!»

– Я здесь, – тихо произнесла Вера, – но отвечать за других не стану.

«Вот в чем дело, – размышляла она, – им необходимо найти виновного. К чему попытки разобраться, если все стрелки указывают на меня, а до остальных им не добраться? Остаюсь я».

Со дня ареста она без конца возвращалась к проведенным в Ханое двум с половиной дням, перебирая каждую деталь, вспоминая каждое слово, каждый жест. Один за другим в полумраке камеры перед ней проходили коллеги или, скорее всего, бывшие коллеги... их лица во время ареста, одни лица, отделенные от тел, в бесконечном хороводе проносились в ее лихорадочных снах. Вера анализировала поведение каждого из них и нехотя признавала, что не видит, не находит ни одной подозрительной детали, способной помочь ей доказать свою невиновность. Чем больше она рассуждала о случившемся, тем сильнее недоумевала. Да, многие из них были ей неприятны: Таль, Моран, Лия... Ирит она затруднялась характеризовать, женщина оставалась для нее темной лошадкой. Но, справедливости ради, ее несовместимость с этими людьми не делает их преступниками. Шели она симпатизировала и, откровенно говоря, не видела в тихой и мягкой девушке необходимых черт для совершения подобного. Ноам? Нет. Вера очень тонко чувствовала людей и не сомневалась: его отношение к ней было искренним, он бы не подставил ее столь жестко и беспринципно. По правде говоря, ей казалось, что Ноам не смог бы подставить никого и никогда. Тогда кто остается? В очередной раз спрашивала она

себя. Прежде всего они – лицемеры, стукачи, интриганы... Таль, Лия, Моран, Ирит? Одни вопросы и никакой зацепки. Вера закрыла глаза. В такие минуты в голову лезли неконтролируемые мысли – не принося пользы, они причиняли боль, отнимали последние силы. Бессмысленные мысли-вопросы овладевали ее сознанием: зачем я оставила статуэтку на комод? Возможно, именно она привлекла внимание, сыграв роль идеального тайника. Кто знает, если бы ее никто не увидел, быть может, не меня бы выбрали на эту роль? Стоило, послушав внутренний голос, совершить, на первый взгляд, безумие и пропустить полет. Ведь я не хотела возвращаться, словно ангел-хранитель нашептывал о нависшей опасности. Скорее всего, увидев, что меня нет, «кто-то», не желая рисковать, вынул бы «сокровище» из чемодана. Или нет? И наконец, почему я не завалила тот экзамен и полетела в Ханой? Почему не обменяла полет, будучи простуженной? Что это? Неужели то были знаки, отказавшись прочесть которые, я выбрала иной путь, путь по которому отныне предстоит идти?

Судьба всегда представлялась ей перекрестком дорог, открывающим несколько вариантов пути. Она вспомнила так любимые ею в детстве русские народные сказки: «Налево пойдешь – смерть найдешь, направо пойдешь – коня потеряешь, прямо пойдешь – счастье найдешь». Неужели она, не заметив указателя, выбрала не тот вариант судьбы, и, пройдя мимо «счастье найдешь», пошла по тропинке «жизнь потеряешь»? Судьба... играет людьми, как марионетками, или оставляет выбор? Выбирала она, или все было предрешено?

И неожиданно Вера подумала: а ведь у судьбы есть имена. Нет, не так: у судьбы условно есть имена. Своя судьба и имена к ней – удел любого смертного. Она представила, как Мойры вписывают в страничку судьбы имена – у каждого рокового момента жизни возникает имя – так, подобно главам книги, по порядку выстраиваются они – отчасти архитекторы наших судеб, наши демоны, наши ангелы, наше счастье, наше горе, наши победы, наши поражения... Вьетнам – тюрьма – борьба... Первый судьбоносный поворот – чье имя он носит? Лия, Таль, Моран, Ирит, Ноам, Шели???

Глава 3. «Следствие» закончено. Перевернем страницу?!

*Если дашь волю баобабам, беды не миновать.
Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц*

24 августа, Тель-Авив, Израиль.

Начальник службы безопасности авиакомпании «Isra Airlines» Ариэль Ротман, устало откинувшись в кресле, закурил. С момента шокирующего инцидента в аэропорту Ханоя прошли две недели. Когда не осталось сомнений в том, что, набирая обороты, история окрашивается в драматические тона, и без вмешательства консульства и, возможно, самого посла не обойтись, произошедшее неизбежно просочилось в прессу, а компания оказалась в эпицентре скандала. В заголовках к многочисленным статьям имя авиакомпании соседствовало со словами «наркотики» и «героин», что не могло не вызвать беспокойства руководства, опасавшегося стойкой ассоциации Isra Airlines с этой грязной историей в будущем. Тот факт, что с этими словами отныне тесно связано имя арестованной девушки, а словосочетания «смертная казнь» и «пожизненное заключение» звучат все чаще, мало заботило руководство, которое, как и следовало ожидать, дабы обелить доброе имя авиагиганта, сочло необходимым занять жесткую позицию. Генеральный директор сделал официальное заявление: «Isra Airlines» осуждает наркоторговлю и сожалеет, что подобный инцидент бросает тень на безупречную репутацию, заработанную в течение почти шести десятков лет. Авиакомпания является, по сути, пострадавшей стороной. Руководство крайне обеспокоено тем, что должность сотрудника компании послужила прикрытием для преступных махинаций. Он добавлял, что подозреваемая никогда не имела проблем с законом, справлялась со служебными обязанностями. «Расследованием преступления занимаются правоохранные органы Вьетнама, – подчеркивал он, и – главное: – Если вина нашей сотрудницы будет доказана, она, как любой преступник, обязана понести наказание. Ни о каком снисхождении по отношению к людям, добровольно связавшимся с миром наркоторговли, не может быть речи».

Желая исключить малейшую вероятность повторения подобной истории в будущем, личные дела всех стюардов компании перепроверялись отделом безопасности. Под увеличительным стеклом изучали вернувшихся из Ханоя. Дело самой Веры в течение двух недель исследовали досконально, пытаясь составить детальный психологический портрет. На беседы вызывались кураторы, инструкторы курсов и все, кто был распределен с ней на дальние полеты. Начальник службы безопасности с первой минуты осознал: сомнения в ее вине не только не облегчили, а наоборот, усложнили бы ситуацию, ведь это означало, что наркокурьер, разоблачить которого будет крайне сложно, продолжает работать в компании. Бомба замедленного действия... кто знает, как скажется на репутации повторный наркоскандал? Этого категорически нельзя допустить, потому руководство надеялось убедиться в том, что арестованная – и есть та самая паршивая овца, по нелепой случайности затесавшаяся в безупречные ряды сотрудников их империи, и, с облегчением вздохнув, перевернуть страницу.

Чем больше он узнавал о Вере, тем очевиднее становилось: речь идет об особе нестандартной, где-то даже неудобной компании. Первое, что незамедлительно привлекло его внимание при изучении ее дела, был любопытный факт: Вера попала на курс, пройдя дополнительную комиссию, которую назначали в спорных случаях. При отборе кандидатов завершающий этап включал собеседование с психологом и разработку симуляций в группе, к нему допускались претенденты, прошедшие первые три этапа – собеседование, экзамен по английскому языку и компьютерный тест логических задач. Утвержденные психологом зачислялись на курс. В Верином случае психолог колебалась: она не сочла ее неподходящей, но и утвердить не реши-

лась. Сомневаясь и не желая принимать окончательное решение, она оставила за девушкой право пройти комиссию. В заключении экзаменующего психолога указывались причины: Вера произвела впечатление немного отстраненной и даже высокомерной, она умела управлять эмоциями, становясь в такие моменты непроницаемой, да и в целом ее тяжело было «прочитать». Вместе с тем она была прекрасно воспитанна, очаровательна и мила. Читая заключение, Ротман отметил, что «высокомерная и немного отстраненная» странно сочетается с «очаровательной и милой». Возможно, она умела быть такой, когда ей это казалось необходимым? К заключению психолога прилагались рекомендации представительницы отдела обслуживания, руководящей отбором стюардесс: она была от кандидатки в восторге, считая ее умение держаться редкостью и отмечая, что «это девушка для работы в first и business класс». Вероятно, это мнение разделили проводившие дополнительное собеседование-комиссию начальники отделов компании, поспешившие зачислить на курс будущую стюардессу. Но психолог не ошиблась, и в эти дни чувствовала себя весьма комфортно, не преминув напомнить о том, как с самого начала обратила внимание на подозрительные моменты. А между тем, начальник безопасности с удивлением обнаружил, что проблемами при поступлении Вера не ограничилась: почти весь период обучения прошел для нее под угрозой отчисления. Она легко усваивала материал, получала высокие оценки, но... Очередь «но» носило весьма субъективный характер: ее невзлюбили инструкторы курса обслуживания полетов, в особенности, инструктор – старший стюард. Внятно объяснить причину неприязни он не мог и указывал, что Вера не соответствует должности, так как не успевает разогреть булочки в назначенное время. Это объяснение полковник прочел дважды. Когда перед ним предстал тот самый инструктор Мики – хиленький, утопающий в широких штанах, и принялся горячо вещать о курсистке, забывшей сделать дырочки в пакете с булками, Ротман поймал себя на мысли, что курсистка Елински с ее «булочной» промашкой стала самым значимым событием в карьере инструктора – стюарда за последний год.

– Помимо булочек, какие у вас еще были претензии? – наконец прервал он.

– Она не помнила, что булочки разогреваются первыми!!! – продолжал бушевать Мики. – А кухня – это очень важно! В самолете все начинается с кухни!

– Понятно. Кроме кухни? Вы наблюдали за ней два месяца...

– Кухня это очень важно... А в остальном... она холодная, высокомерная.

«Все ясно», – отметил Ротман. И чем дальше он изучал историю взаимоотношений Веры с коллегами, тем больше к нарастающему своему удивлению обнаруживал, что большинство негативных мнений удивительно похожи: избыток эмоций и отсутствие конкретики.

Еще один любопытный факт из дела Веры наглядно демонстрировал ее отношения с сокурсниками и чуть не стоил ей исключения – социометрический тест. На каждом курсе этот тест проводился в обязательном порядке: все курсисты получали опрос, в котором напротив имени каждого стояли стандартные вопросы: хотели бы вы быть распределенным на рейс с X? Как вы оцениваете умения X ладить с людьми? Обратитесь ли вы к X при необходимости за помощью? На каждый из них ответом была оценка – от 1 до 6. Результаты Веры впечатляли: никто из учащих не мог похвастаться подобным количеством как высоких, так и низких оценок. Из 21 ответивших, трое, соблюдая нейтралитет, поставили средние баллы, остальные 18, разделившись на две группы, наградили ее либо самыми низкими в группе, либо самыми высокими баллами. «Да, – отметил начальник службы безопасности, – девушка вызывает неоднозначные эмоции».

– Какие у вас были претензии к курсистке? – спросил он ассистента инструкторов.

– Никаких, – тот выпучил глаза. – Но я слышал, что она не прошла проверку на кухне. Булочки...

– Я в курсе! – перебил начальник службы безопасности. – Какое впечатление она произвела на вас?

– На меня? – он заерзал на стуле. – Ну, она... красивая...

– Понятно, – кивнул Ротман. – Идите, я позову, если понадобится.

Наконец подошла очередь второго инструктора – тезки Мики – немолодой желчной дамы с нервным, скрипучим голосом.

– Была бы моя воля, она бы не закончила курс. Было в ней что-то... даже не знаю, как определить...

– Вы попытайтесь. Чем она вас не устраивала? В ваших отчетах одна единственная претензия – кухня. Она не могла вынуть железный ящик?

– Да! – с готовностью подтвердила та. – Он тяжелый, у нее не хватило сил.

– А разве это не ясно было заранее? Девушка хрупкая...

– Это была проблема. И потом, она не выглядела... ну, подходящей для тяжелой работы.

– Но в будущем она с ней отлично справлялась. Что вас смущало?

– Не знаю, как поточнее... амбиции. Она пришла не работать, а устраивать личную жизнь.

Да и с профессиональной точки зрения, она немного высокомерна... вы видели, какая у нее осанка? По восемь часов сидела с идеально прямой спиной. Ее по осанке узнавали новые инструкторы...

– Причем тут осанка???

– Мне казалось, пассажирам будет неудобно ее лишний раз о чем-то просить...

– Психолог говорила, что она приветливая.

– Очень приветливая! Просто держится надменно, как аристократка.

– Как она окончила ваш курс с такими претензиями?

– А вы спросите своих ребят с курса экстренных ситуаций. Они дали ей высокие оценки и такие характеристики, что ее стало сложно исключить. Если бы это зависело от нас...

...Ему все чаще казалось, что он купил билет в театр абсурда: булочки, осанка, высокомерие... Кто набирает и продвигает людей, которые не в состоянии обосновать негативное мнение? Первым адекватным человеком, вошедшим в его кабинет, была Ольга – девушка училась с Верой на курсе и, как выяснилось, стала ее хорошей подругой. Она была заметно расстроена происходящим.

– Могу представить, что вам приходится выслушивать, – сказала она, переступив порог, – и даже рассказать, о чем услышите в ближайшие дни.

– Вы познакомились на курсах?

Ольга кивнула.

– Вам должны быть известны проблемы...

– Кухня, булочки, опрос? – перебила девушка. – Они к ней цеплялись с самого начала, не зная к чему придраться, из ничего раздували проблемы... это выглядело нелепо... Вера еле дождалась начала курса экстренных ситуаций... эти три недели стали для нее отдыхом.

– Чем объясняется такое отношение? Ведь дыма без огня не бывает.

– Не знаю... – ответила Ольга. – Ей не повезло, она попала на не самых удачных инструкторов. Вера объективно не просто подходила, а украшала компанию. Я не преувеличиваю. В девушках такого уровня они должны быть заинтересованы, а тут, наоборот, пытались от нее избавиться.

– А с группой тоже не повезло? Вам ведь дали нормальные баллы.

– Ну, у Веры талант вызывать бурю даже в стакане воды. Мне кажется, она была для них чужой, непонятной. Вы с ней знакомы?

Он отрицательно покачал головой.

– Она производила очень сильное впечатление: осанка и пластика, как многие говорили, «танцовщицы», прекрасно воспитанна, уверена в себе, неизменно вежлива, но при этом слегка отстранена – сохраняла дистанцию, была весьма избирательна в общении. И потом, знаете, Вера напрочь лишена склочности, лицемерия, мелочности... опускаться до разборок считала

ниже своего достоинства, нападки равнодушно игнорировала, казалось, что она как бы «над всеми»... Ошибочно перечисленное принимали за снобизм. Некоторым было рядом с ней некомфортно, вот и все. Ну и внешность, в конце концов. Половина девушек на нашем курсе могут похвастаться мозгами подростков и их же комплексами. А когда стало ясно, что кому-то нужно поставить низкие оценки, половина дур поставили ей. Она знала, что так будет.

– Что значит «нужно»? – уточнил он.

– Прозрачно намекнули, что не все должны получить нормальные баллы, – вздохнула Ольга. – Так и сказали: «Мы ждем от вас объективной картины, это никак не повлияет на тех, кому вы поставите невысокий балл. Если не хотите переделывать тест, отвечайте с первого раза». Короче, ясно дали понять: стучать не просто можно, а необходимо. Все с облегчением вздохнули и свели счета.

– Не слишком простое объяснение – зависть?

– А вы не поленитесь и вызовите тех, кто наставил ей единицы и двойки, и сами полюбуетесь. Что они вам могут сказать? Что она сноб, больше ничего. Такой же маразм, как булочки.

– Там еще был железный контейнер...

– Еще больший бред, чем булочки, – усмехнулась Ольга. – Спросите у любого: никогда девушки не достают его полным! Это нереально. А чаще всего это мужская обязанность на борту. Веру, единственную на курсе, заставляли вынуть контейнер весом в 10—15 кг. – это было небезопасно. Кстати, он находился так высоко, что ей пришлось встать на цыпочки. А про то, что менее высокие стюардессы до него вообще не дотягиваются, вам не сказали? И ничего! Вот вам и объективность. Весь этот спектакль устраивался с целью доказать ее профнепригодность. Ее сложно было исключить, она не давала поводов, поэтому они искали их сами. Вера даже думала бросить все это, но решила не делать ненормальным подарки. Лучше бы ушла...

– Вы подруги? Что можете о ней сказать? Я часто слышу, что она амбициозна...

– Здоровые амбиции, – подчеркнула Ольга. – Это можно назвать самоуважением. И нет, не голддигерша, об этом вы еще не раз услышите.

– Как-то слишком много про вашу подругу небылиц ходят. Бомбят по всем направлениям.

– Люди не любят ярких личностей, а Вера – личность. У нее не самый простой характер, не карамель – карамель. Она приветлива, но для большинства закрыта, имеет четко очерченные личные границы, но в свою очередь старается никогда не нарушать чужих. Тактичная, чуткая, тонко чувствующая... – Помолчав, Ольга сдавленно проговорила: – Она очень хороший человек и неспособна совершить то, в чем ее обвиняют, понимаете?

– Почему вы так уверены?

– Потому, что я ее знаю! – убежденно произнесла она. – От нее сейчас поспешат откреститься, а ей нужна помощь. Она никогда не бросила бы камень, как поспешат бросить в нее. Не поддерживайте всю эту грязь, не участвуйте в этом.

Когда Ольга вышла, Ротман закурил, испытывая дискомфорт. Он начинал понимать, что ничем не сможет помочь этой переживающей ад девушке, а слушать сплетни ее коллег становилось все неприятнее. Инструкторы службы безопасности, его ребята, проводившие курс экстренных ситуаций, отзывались о Вере с симпатией и даже восхищением.

– У нее молниеносная реакция, – рассказывал один из них, – она не суетится, моментально собирается и начинает действовать. Быстро запоминает кучу данных, азартная, упорная. Вера рассказывала, как ее убеждали в том, что физически она не потянет работу, это глупости. Я так и написал в отчете. Она без проблем открывала двери самолетов, вынимала аварийные окна, она не слабая физически девушка. По каким-то причинам ее хотели слить, это бросалось в глаза.

– А так, какая она? Высокомерная?

– Нет. Может, со стороны создается такое впечатление, но, пообщавшись с ней минуту, понимаешь, что это не так. – Он улыбнулся и тихо добавил: – Она очаровательная девушка.

– На курсе многие придерживались другого мнения...

– Вера красивая. Женская зависть. Спроси остальных, мы это почти месяц наблюдали. Она, кстати, никогда не велась на провокации. Умела держать себя в руках.

После этого разговора начальник службы безопасности вынул очередную сигарету. Ротман курил редко и мало, но в эти дни, знакомясь таким странным образом с несчастной девушкой, курил, как в лучшие годы. Спецназовец, полковник запаса, человек крепкой закалки и сильной интуиции, он все больше убеждался, что в этом деле все далеко не так просто, как это желают представить. Сияясь оставаться безучастным, он сам того не желая, наблюдал, как безразличие потеснила иррациональная симпатия к этой необычной девушке, и ловил себя на мысли, что не вызывай она столь сильных противоречивых эмоций, ему было бы легче собирать информацию по этому делу. А теперь? К сожалению, его возможности в этой истории весьма ограничены...

Театр абсурда между тем набирал обороты.

– Она любит красивую жизнь! – обличала стюардесса, побывавшая с Верой в Нью-Йорке. – Никогда не покупает фейки, принципиально. Так и говорит: мне нужен или оригинал, или ничего. В тот наш приезд купила сумку от Прада. Теперь понятно, откуда у нее деньги.

– Не спешите с выводами, – резко прервал он.

Другая рассказывала:

– Она какие-то парфюмы покупала эксклюзивные... Обычные ее не устраивали. Снобка та еще. Месяц назад мы вместе были в Нью-Йорке, она при мне в Barneys 500 долларов потратила на несколько маленьких баночек с кремами. Там какие-то грибы редкие...

– Какие грибы??? – определенно дикая жара начинает сказываться на некоторых сотрудниках.

И все же, он не мог не отметить, что эти факты – нескрываемая любовь к дорогим вещам, покупки, – с легкостью будут использованы против нее. Но будь она наркокурьером, стала бы афишировать траты? Всплыл еще одинстораживающий момент: очень часто во время остановок Вера проводила время в одиночестве. Она могла пропадать целыми днями, и никто не знал, где она находится. После «откровений» коллег Ротману становилось все более очевидным, чем было продиктовано ее поведение, но, учитывая случившееся, этот, казалось, безобидный факт мог быть с легкостью выставлен в негативном ключе. Создавалось впечатление, что для большинства девушка оставалась незнакомкой: о ней судачили, но не знали, что происходит в ее жизни, и, по сути, мало кто был знаком с ней по-настоящему. В каком-то смысле, она, возможно, не осознавая, сама удобряла почву, на которой плодились слухи, сплетни. Он отметил, что Вера с ее независимостью, закрытостью, неординарностью являлась идеальным кандидатом для подобной аферы.

Готовясь к беседам с членами экипажа злосчастного рейса, Ротман не сомневался, что столкнется с уже привычно противоречивой информацией:

– Она серый кардинал, – хихикая, говорил Таль, придя в восторг от подобранного определения. – Никогда не ясно, что у нее на уме. Сноб с теми, кто ей не полезен, а с теми, кто полезен, совсем другое дело! Это очень, очень бросается в глаза.

– Не знаю, что и думать, – вздохнула Ирит. – В день прилета она неважно себя чувствовала и сказала, что хочет побыть одна, отдохнуть. Позже, как выяснилось, неожиданно ожила и побежала за покупками. Сейчас, учитывая случившееся, это кажется подозрительным. Я зашла к ней вечером поинтересоваться как дела, она показала покупки, в том числе статуэтку.

– Она мне очень понравилась, – тихо сказала Шели, – с ней было приятно работать.

– Такое самомнение, – вещала Моран, – осанка, манеры, вся из себя... И кем оказалась?

Ее подруга Лия пошла еще дальше:

– Ха! Неудивительно. Девушка нехилого десятка. Лицемерка и лгунья. Амбиции ее погубили! Решила заработать, пока не подцепит кого побогаче. Не повезло.

– Слишком много эмоций. По делу есть что сказать?

– Что конкретно? Ни для кого не секрет, что она обычная голддиггерша. Строит из себя возвышенную, утонченную особу, не от мира сего, а на самом деле амбициозная, беспринципная. О ней говорят, что она недоступна и знает себе цену, – Лия презрительно поморщилась. – Цену она себе знает, и для тех, кто может заплатить, вполне доступна, спросите Дана.

– Вы перегибаете палку, – в этот момент ему почему-то стало особенно жаль Веру.

– Перегибаю? – она засмеялась. – Спросите остальных, она от Дана не отлипала с первого вечера. Узнала о нем во время полета, кто-то упомянул его семью, вот и подсуежилась. Недоступная Вера вернулась в последний день в номер под утро. Вот так.

– А вы к ней явно равнодушны, – спокойно отметил он. – Откуда такая осведомленность?

– Терпеть не могу таких выскочек, – она вздохнула. – Никакой особой осведомленности, об этом знают все.

– Под дверь караулили?

– Слышно было, как она возвращалась, – Лия занервничала. – Мы с Моран слышали, Ирит тоже. Поинтересуйтесь у Дана, это его очередная интрижка. А для нее, возможно, последняя... надеюсь, она оторвалась напоследок.

– За что вы ее ненавидите? – он чувствовал, что начинает испытывать отвращение к этому мелочному жестокому существу.

– Ненавижу? Слишком громко сказано... она мне просто неприятна.

– Настолько неприятна, что вы готовы сплясать на ее похоронах.

Лия ушла, а мерзкий осадок от ее слов словно отравил комнату. Он не мог отделаться от мысли, что в экипаже есть несколько скользких личностей. Потом зашел легчик – Орен, жутко расстроенный и подавленный. С болью он вспоминал реакцию Веры во время ареста и ее прощальный взгляд:

– Она невиновна, – с грустью повторял он. – Ты бы видел, как она смотрела! Так притворяться невозможно.

– Кажется, ты к ней равнодушен, – отметил Ротман.

– Равнодушен, – кивнул Орен. – Разве это сейчас имеет значение?

– Не имеет, но скорее всего влияет на твою объективность.

– Не влияет. Это не взаимно, если что.

– Я слышал, она с Даном...?

– Да, – он отвернулся. – Нужно ей помочь...

«Девушка – магнит эта Вера, – подумал Ротман, – магнитит все подряд: мужчин, зависть, любовь, даже несчастья».

***

Необходимо было сохранять хладнокровие, но начальник службы безопасности чувствовал, как начинает поддаваться эмоциям. Все сильнее угнетало его ненавистное бессилие, растущее вместе с осознанием декоративности своей роли, при исполнении которой он был не в силах повлиять на трагический ход событий. В нем росла симпатия к вырисовывающемуся портрету несчастной девушки, яркой, как бабочка, и такой же незащитной. С интересом он наблюдал, как подобно рентгену, рассказы о ней высвечивают подлинную сущность окружающих. Повидавший многое, он был неприятно поражен тем, как адекватные, на первый взгляд, люди, вспоминая не причинившую им ни малейшего вреда Веру, раскрывались в эти моменты: такой концентрации злорадства, готовности бросить камень, жестокости ему не приходилось

встречать прежде. Как многим оказалось незнакомо сострадание! А ведь речь шла о молодой девушке, которой, возможно, грозит высшая мера наказания, и даже если допустить, что она действительно совершила преступление, столь варварской расплаты она не заслуживала. Мысль об этом приводила в ужас нормальных людей, но оказалось слишком много тех, кто, в эти дни без конца упоминая прады, парфюмы и грибы, спешили открыто признать ее виновной... На их фоне желающие просто отвернуться от вчерашней знакомой выглядели невинными детьми.

Когда в его кабинет вошел Дан, он испытал неконтролируемое желание поскорее разобраться с этим делом – оно начинало его все больше тяготить. Ротман не был знаком с Верой, но очень симпатизировал Дану, одного взгляда на которого было более чем достаточно, чтобы понять, как отражалось на нем происходящее.

– Вижу, эта история затрагивает тебя больше, чем я мог представить, – недовольно констатировал он.

Дан не ответил и, на минуту опустив голову, уставился в пол. Наконец, посмотрев в глаза начальнику, абсолютно спокойным тоном, без тени сомнения, проговорил:

– Она не могла этого сделать, понимаешь? Не могла.

– Не знаю, можно ли рассчитывать на твою объективность... – Ротман испытывал неловкость. – Не хочу вмешиваться в твою личную жизнь, но...

– Все равно вмешиваешься. Что тебя интересует? – он закурил.

– Ого! Ты же вроде не куришь? – удивился начальник.

– Давно не куришь... просто сейчас период такой... никотиновый.

– Хорошо, что не героиновый, – грустно усмехнулся он. – Никотиновый период у нас совпал, – и, вынув сигарету, неожиданно спросил: – Скажи, у тебя было что-то с Лией?

– С Лией? – Дан не скрывал удивления. – Нет конечно... к чему этот вопрос?

– К тому, что она слишком озабочена твоей личной жизнью и не скрывает неприязни к Вере...

– Мы с ней просто знакомые, вместе учимся, не более. Она мне всегда была малоинтересна, а сейчас просто омерзительна. Веру она терпеть не могла до того, как я с ней познакомился.

– По ее словам, Вера – твоя очередная интрижка.

– Вера не может быть интрижкой по определению. Другого уровня девушка.

– С девушкой другого уровня у вас что-то было?

– У нас что-то будет, – подчеркнул он.

– Значит, это для тебя серьезно?

– Очень.

– Дан, – ему стало жаль молодого человека, и, отметив, что объективность начинает ускользать из этой истории, он ощутил необходимость взять себя в руки, – как долго ты с ней знаком? Два дня?

– И ...? – спокойно ответил тот.

– Давай оставим эмоции и постараемся рассуждать здраво: почему ты убежден в ее невинности? Что ты о ней знаешь?

– За два дня можно узнать о человеке больше, чем тебе кажется.

– Ты явно не мозгами думаешь, Дан. Может, ты видел только то, что хотел? – предположил начальник. – Если она умна и амбициозна, вполне могла воспользоваться твоей увлеченностью.

– Это была бы не Вера. Она очень непосредственна, в ней нет ни грамма фальши, она очень искренний человек.

– Да, – вздохнул Ротман, – на твою объективность рассчитывать не приходится. Ты себя слышишь? О какой искренности можно утверждать через два дня знакомства? Сильно она тебя...

– Кто тогда по твоему объективен? – насмешливо спросил он. – Незнакомые с ней, но прекрасно «осведомленные» коллеги? Неадекватная Лия, дегенеративный Таль, кто?

– Возьмем, к примеру, мнение психолога: твоя «непосредственная» девушка, часто полностью контролируя эмоции, становится непроницаемой, возводит стену между собой и окружающими. Мнение инструкторов: умеет держать себя в руках, быстро собирается в сложных ситуациях, тщательно подбирает слова... Особой непосредственности не замечено.

– Это скорее плюсы, а не минусы. Понятно, что в подобной ситуации можно перевернуть все с ног на голову. Это в любой ситуации сделать несложно, были бы навыки. Перечисленными качествами обладает каждый летчик, каждый ответственный за безопасность полета и что? Это делает нас потенциальными наркокурьерами?

– Ты передергиваешь.

– Нет, – он покачал головой. – Вера – сложная девушка, очень многоплановая. Ее не поймешь ни с первого взгляда, ни со второго, но поверь мне, она действительно очень настоящая, это подтвердит любой, кто с ней близко знаком. А ее отношение со случайными людьми... к ней можно приблизиться настолько, насколько она сама позволит, что она и дает понять.

– В этом-то проблема: необычная девушка, о жизни которой мало известно. Амбициозная. Падкая на дорогие безделушки.

– Не настолько падкая. Уверяю тебя, в готовых удовлетворять ее прихоти недостатка не было, а она работала и училась. Вот тебе объективный факт. Заработанные деньги, надеюсь, не запрещается тратить по собственному усмотрению?

– А если допустить, что она могла податься соблазну? Ее желание заработать существенные для нее суммы можно понять. Вера ведь выросла в семье эмигрантов... знает, что такое отсутствие денег.

– Вот это явно лишнее! – резко оборвал его Дан. – Ты себя слышишь? Еще минута, и ты всех эмигрантов в потенциальных наркокурьеров зачислишь. Знаешь, как это называется?

– Не нападай. Я говорю о том, как эта история выглядит со стороны...

– «Выросла в семье эмигрантов» – это нормальный аргумент? Вера, к твоему сведению, выросла в очень хорошей семье, ее родители тяжело работали, чтобы она никогда не нуждалась в необходимом. А ты пытаешься за уши притянуть стереотипы.

– Не я, Дан... – Ротман озадаченно покачал головой. – Ты не можешь не понимать, что об этом будут писать. Будь на ее месте израильянка – стереотипы остались бы в стороне, а тут русская, молодая, красивая... сразу всплывают бренды, любовь к деньгам, голддиггерство... кстати, в документах твоей Веры в графе национальность – пропуск... Скоро непременно услышишь о том, что в страну кого только не пустили...

– Определенный контингент будет рассуждать в подобном ключе, – перебил его Дан, – это неизбежно, но по большому счету ничего не изменит. Пусть пишут про сумки, ничего не подделаешь.

– Мне эти факты необходимо упомянуть в заключении, понимаешь? О ее покупках и амбициях слишком много говорят. Как и о том, что она часто оставалась одна в командировках. Не отрицай, что это не совсем типично.

– Предпочитала одиночество плохой компании, это похоже на Веру. – Он устало добавил: – В Ханое она не стремилась уединиться, ей нравились Ноам и Шели. Уверен, так было в каждой поездке – она с удовольствием общалась, если люди казались ей интересными.

– Веру в день прилета никто не видел до вечера, так? Чисто теоретически время у нее было.

– Чисто теоретически, время было у всех, включая меня.

– Но нашли героин в ее чемодане.

– К несчастью, – он помолчал немного и продолжил: – Это мог сделать любой. Да элементарно, заплатить горничной за ключ и войти, когда ее не было в номере.

– Кстати, про отсутствие в номере... – Ротман медлил. – Судя по всему, времени было достаточно в ночь перед отлетом. По словам Лии, Вера вернулась под утро. Странная осведомленность, не находишь?

– Более чем... – он пристально посмотрел в глаза начальнику. – В этом разговоре есть смысл? Мне все это непросто дается, если начистоту. Можно поставить галочки и разойтись.

– Дан, я не против помочь...

– Только не знаешь как, – он горько усмехнулся. – Не забывай, я без пяти минут адвокат, понимаю, что к чему. Свобода Веры не особо волнует начальство, им главное поскорее замять скандал. Они больше озабочены уроном репутации, чем какой-то стюардессой. Через пару дней от нее поспешат откреститься, напомнив, что расследованием уголовных дел занимается правосудие, и будут наблюдать: выплывет, не выплывет. Пойдет ко дну, скажут, что сама встала на этот путь, выплывет, станут утверждать, что очень рады и не сомневались в ее невиновности. От тебя они хотят получить подтверждение тому, что остальные шестеро – чистенькие. Вот и весь расклад.

– Что я могу для тебя сделать? – он испытал бессилие и вместе с тем облегчение от того, что Дан, прекрасно улавливая ситуацию, не ждет от него невозможного.

– Ты можешь проверить дела всех членов экипажа через полицию? Тщательно проверить?

– Конечно. Может удастся найти зацепку.

– Спасибо, – он кивнул. – И еще, мне необходим отпуск.

– Я и сам думал предложить. Работник из тебя сейчас...

– Она хотела остаться в Ханое, не хотела возвращаться... – неожиданно произнес он, – зачем я остановил ее?

– Дан, – постарался успокоить его начальник, – все еще может нормально закончиться.

***

После этого разговора Ротман признал: симпатия к подчиненному эмоционально вовлекла его в это дело, и поспешил взять себя в руки, отметив, что необходимо быть жестче, дабы не терять здравомыслия. Проанализировав реакцию Дана и его слова о «непосредственности и искренности» Веры, он укрепился в мысли, что полагаться на них было бы неосмотрительно. Дан был умным парнем, но эта девушка умудрилась в столь короткий срок задеть его за живое. Он испытывал к ней вполне понятную слабость, неизбежно отразившуюся на его восприятии.

Последним участником истории, посетившим его кабинет, был Ноам. Он был взволнован, удручен и выглядел очень уставшим. «Еще один равнодушный», – подумал было Ротман, но, присмотревшись внимательнее, понял, что в данном случае женские чары Веры не могли оказать привычного влияния: парень был явно нетрадиционной ориентации.

– Ее подставили, – не успев войти, выпалил он, – бесчеловечно подставили.

– Давай по порядку, – вздохнул Ротман. – Как давно ты знаком с Верой?

– Мы познакомились во время полета, но это не столь важно...

– Неужели?

– Первое впечатление, как правило, самое верное, потому что ничто не влияет на нас в эти минуты, – убежденно сказал он, и Ротман не мог не отметить про себя, что что-то в этом есть.

– И какое она произвела на тебя впечатление?

– Не знаю, часто ли вам рассказывают о Вере как о коллеге, мне это кажется важным: с ней очень приятно работать. Она не уваливает, выполняет свою часть работы, не пытаюсь, в отличие от некоторых, переложить ее на остальных. Кстати, с ней этот трюк не проходит – она незамедлительно ставит на место. Понимаете, в определенные рабочие моменты становится очевидным, с кем имеешь дело: Вера не мелочится, если надо – помогает, причем совершенно непринужденно, ее не надо просить. Очень вежлива, отзывчива, легкий в общении человек. Когда находишься много часов в таком замкнутом пространстве, очень важно, чтобы с человеком было комфортно.

«Странно, – отметил Ротман, – о ее профессиональных качествах почти никто не упоминал», – и, вспомнив многочисленные отзывы о холодности и высокомерии, в очередной раз мысленно сказал себе: создается впечатление, будто речь идет о разных людях. А между тем, этот парень, Ноам, казался неглупым, искренним и, в отличие от многих других, прекрасно обосновывал свое мнение.

– Скажи, Вера с остальными членами экипажа так же взаимодействовала?

– Абсолютно. Она, в отличие от некоторых особ, разделяет профессиональное и личное. Да у нее никакой антипатии к ним не было, она их в первый раз видела и относилась как к временному явлению. Они ее явно невзлюбили и не очень-то пытались это скрыть.

– Кто они? И в чем, по-твоему, причина?

– Лия, Моран, ну Таль еще. Причина... Вера это другое... во всем: внешне, поведение, отношение, которое она вызывает. Для них она как инородное тело, вот и пытаются укусить, опустить, прогнать.

– Ты упомянул, что она ставит на место, когда на нее пытаются переложить работу. Каким образом?

– Это надо видеть... нет, голос не повышает, скорее говорит еще тише. Может холодно посмотреть и, отвернувшись, отойти. Например, Моран вместо того, чтобы разносить чай, сплетничала, а Шели не могла из-за этого уйти на перерыв, Вера нашла ее в кухне бизнес-класса, с улыбкой вручила чайник и поднос со стаканами, развернулась и вышла, а Шели увела с собой.

– Почему ты убежден, что ее подставили?

– Потому, что у нее не тот характер. Она не в силах провернуть подобное: слишком прямолинейная и очень эмоциональная. Она бы как-то выдала себя.

– Эмоциональная? – уточнил он. – Скрытая, контролирует эмоции – вот привычная характеристика.

– Потому и контролирует, что эмоциональная, – Ноам улыбнулся. – Вы видите, какое отношение она вызывает? Тут хочешь не хочешь, дабы не заклевали, прогнешься и станешь, как все, или научишься защищаться. Ее отстраненность – маска, не более того. У нее неслабый характер, но поверьте, она по – детски непосредственна и при всей своей женственности очень трогательна.

– Перед тобой, я так понимаю, она сбросила маску.

– Да она за нее не очень держится, когда видит искреннее отношение. Я же говорю, она эмоциональна, непосредственна. У нее все эмоции отражаются в глазах, когда она расслабляется.

Ротман снова закурил. Второй человек говорил о ее искренности, но если к словам Дана стоило отнестись с изрядной долей скептицизма, Ноама заподозрить в неадекватном к Вере отношении было непросто. Его мнение было ценно хотя бы потому, что он был одним из тех, кто не воспринимал девушку в качестве конкурентки, она была не в силах задеть его самолюбия или пробудить банальное влечение. И он был явно неглуп.

– И еще, – продолжил Ноам, – Вера умна. Она не стала бы так рисковать.

– За одну такую перевозку платят тысячи долларов.

– Дело не в этом, – Ноам покачал головой. – Даже если вы сомневаетесь в ее моральных качествах, поверьте, она умная, здравомыслящая девушка. С такими данными у нее были все шансы удачно выйти замуж, если уж вы напираете на материальный интерес. С тем же Даном у нее все было бы серьезно...

– Это не аргумент. Они только познакомились, серьезно или нет, говорить рано.

– У Веры не может быть несерьезно. Она, как снайпер: долго присматривается, прицеливается и попадает в цель. В общем, не стала бы она рисковать жизнью ради нескольких тысяч.

– А кто, по-твоему, мог это сделать?

– Те, для кого норма подставлять. Лия, Моран, Таль, возможно, Ирит... – Неожиданно он сказал упавшим голосом: – Я все время думаю, как она там... Вера, которая на другой конец света везет за собой арсенал кремов, – в грязной тюрьме, в окружении преступников. Если вы можете хоть как-то помочь, сделайте это...

Для Ротмана этот разговор стал своего рода недостающим фрагментом пазла. С какой целью Ноам, не будь он полностью убежден в ее невиновности, принялся бы столь рьяно защищать почти незнакомую девушку? Он говорил о Вере, рисуя яркий психологический портрет. Надевает маску, чтобы защищаться... становится непосредственной, почувствовав доверие... Это звучало убедительно и отчасти объясняло столь противоречивые мнения: вполне возможно, многие видели ту Веру, которой она была с чужими, с посторонними. Может, поэтому слова хорошо знакомых или тонко чувствующих ее людей полностью совпадали?

***

И вот прошли две недели. Произошедшее обсуждалось теперь не только в стенах компании, но и за ее пределами. История получила широкую огласку в прессе, и если в первых статьях имя стюардессы не упоминалось, то в последние дни оно стало достоянием общественности. Коллеги Веры, анонимно комментируя личность подозреваемой, считали личным долгом подчеркнуть ее амбиции, а шопинг в Нью-Йорке, обсуждаемый в деталях и претерпевший пугающие метаморфозы, упоминался так часто и в таких вариациях, что создавалось впечатление, будто Вера работала как бы между прочим, в перерывах между посещением бутиков на Пятой Авеню. Скандал набирал обороты, и один из политиков высказался крайне жестко: в случае доказательства ее вины обвиняемая, которая не могла не понимать, чем рискует, должна быть наказана по закону страны, в которой совершила преступление. Не стоит защищать ее на государственном уровне, ибо что общего может быть у правового государства с наркопреступницей? – вопрошал он. К счастью, подобное мнение утонуло в других, более человечных: даже если она виновна, утверждали дипломаты и политические деятели, необходимо сделать все возможное, чтобы в отношении девушки не применили высшую меру наказания – смертную казнь.

В дверь постучали.

– Дан, – Ротман обернулся, – я тебя ждал.

– Нулевой результат, да? – тихо произнес Дан, поймав взгляд начальника.

– К сожалению. У меня в полиции хорошие контакты, проверяли тщательно. Чисто.

– Не удивительно, – помолчав, сказал Дан. – В авиакомпанию не попадешь с заведенным делом. Скорее всего, на него или на нее вышли уже во время работы.

– Темное дело, – начальник вздохнул. – Я почти уверен, что ее подставили. Только какая от этого польза? Хуже всего то, что наркокурьер, испугавшись, будет еще долго сидеть тихо или вообще прекратит свою деятельность. Тогда ее непричастность не доказать.

– Надо действовать с другой стороны, – задумавшись, отметил Дан.

– Если понадобится помощь, дай знать. Запиши телефон моего друга в полиции, поговори с ним. Мало ли...

– Спасибо, – он кивнул. – Еще вот что: я увольняюсь.

– Я думал, ты останешься до декабря.

– Я тоже так думал, но вся эта история... Ты читал заявление гендиректора? Я понимаю, бизнес есть бизнес, но речь идет о жизни человека. Могли занять нейтральную позицию, а поспешили от нее отделаться, как от ненужной пешки, и пальцем не пошевелили, чтобы не допустить клеветы со стороны сотрудников в прессе. Представь, что переживает ее семья.

– Позвонить им что ли, поддержать? – неуверенно предложил Ротман.

– Я им передам. Спасибо тебе.

– Что планируешь делать?

– Помочь ей.

Ротман улыбнулся. В очередной раз молодой человек не разочаровал его. Откинувшись на спинку кресла, начальник службы безопасности закурил последнюю сигарету. Он думал о Вере и спрашивал себя, хватит ли у нее сил пережить кошмарную неизвестность и ужасы тюрьмы, и о Дане, о том, в какой неподходящий, чудовищный момент судьба приготовила ему встречу с этой необычной девушкой. Она, вероятней всего, возлагает надежды на тех, кто поспешит забыть о ее существовании, она пока не догадывается, что осталась почти одна, и в проведенные в Ханое фатальные дни встретила человека, готового бороться за нее, человека, на которого сможет опереться в чудовищной битве за жизнь. Чтобы вытащить ее из этой передраги, ему понадобится чудо. В чудеса полковник давно не верил, но в этот момент он искренне пожелал, чтобы в этой истории с помощью равнодушия, сострадания и силы духа свершилось одно большое человеческое чудо – справедливость.

Глава 4. Элена

*Бывают люди – растения,
люди – звери, люди – боги.
Жан Поль (Иоганн Пауль Фридрих Рихтер)*

Каждый день Вера отмечала в календарике, который мысленно рисовала на бетонной стене, число, а рядом день своего пребывания в тюрьме. Календарик становился все более видимым, ее воображение даже создавало ему фоновые картинки. Каждый день новые. Сегодня, отмечала она, 25 августа, восьмой день тюрьмы, пятнадцатый со дня ареста. У этого дня новая картинка: летнее море, каким она запомнила его в начале августа, сидя с Олей в любимом кафе на берегу. Синее, удивительно спокойное, утопающее в лучах солнца. Повсюду играла музыка, раздавался смех, пляжная жизнь кипела. Оля решила в очередной раз сесть на диету, и Вера, из солидарности отказавшись от молочного торта с ягодами, ела арбуз. «Когда я вернусь домой, первым делом пойду в наше кафе и закажу целый торт на двоих, на этот раз Оля составит мне компанию! – улыбнулась Вера. – Этот торт станет заставкой моего календарика завтра», – решила она. В последние дни Вера часто вспоминала такие, казалось бы, несущественные моменты, не переставая удивляться, насколько обыденными и непоколебимыми казались они ей. А сейчас странно было представлять, что в том кафе также играет музыка, девушки отказываются от сладкого, решив срочно похудеть на три килограмма, ни капли не сомневаясь, что этот десерт останется таким же достигаемым и через день, и через неделю, и через месяц, раздается смех, кто-то с кем-то знакомится, на песке толпы загорающих, жизнь идет своим чередом. Только ее в этой жизни уже нет. «Ничего, – сказала себе Вера, – скоро это снова станет моей реальностью».

После последнего допроса произошли изменения, причиной которых, вероятнее всего, послужило ее состояние. Следователь, как бы он не пытался продемонстрировать обратное, не хуже ее понимал: последствия ее «булимии» – лишь вопрос времени, долго она не протянет, а учитывая тот факт, что подозреваемую нежелательно доводить до крайне плачевного состояния прежде чем будет вынесен приговор, он, не улучшая условий, нашел своеобразный выход из ситуации: в последние два дня, сразу после завтрака, Веру уводили на тюремные работы, которые продолжались почти до вечера. Так как причиной ее вынужденной «булимии» стал зловонный воздух нового местожительства, после завтрака, покидая камеру, она начинала дышать нормальным воздухом – еда усваивалась, обедала она в рабочей тюремной комнате, порог камеры переступала несколько часов спустя. Таким образом, Вера начинала физически возвращаться в более-менее человеческое состояние, оставив обмороки позади.

Грязная тяжелая работа оказалась несравнимо предпочтительнее бесконечных дней в темной камере, пробуждавшей в Вере смесь ненависти и отвращения. Едва оказавшись в плену этого ненавистного замкнутого пространства, Вера почувствовала: любой выход за его порог станет праздником, а чтобы увидеть дневной свет, она готова была выполнять любую работу. Страшнее темноты, обреченности и смрада ее конуры для нее переставало что-либо существовать. Мир с пугающей быстротой сжимался до рамок этого бетонного квадрата. Соседки по камере также производили на нее угнетающее впечатление: молчаливые, сторбленные, казавшиеся обреченными, уже не люди, а почти тени. Они говорили тихо, словно пугаясь собственных голосов, двигались с трудом, сжимались от приближающихся голосов и криков. Веру предпочитали сторониться, а единственная понимавшая английский девушка – Нгует, внешне походила на раненую птичку, чья искалеченная душа отражалась в полном слез взгляде. Она часто дрожала, целыми днями плакала, скрючившись на своей подстилке, и почти каждую ночь кричала во сне, за что получала неизменные пинки от сокамерниц. Вере было

жаль девушку, и, глядя на нее, она не переставала гадать, кто, почему, за что и, главное, как довел ее до подобного состояния? Так, день за днем, Вера начала осознавать, что царившая в камере атмосфера обреченности и даже легкого безумия отравляет не меньше, чем зловонный воздух и отсутствие нормальной пищи. Она заставляла себя абстрагироваться от происходящего, не уставая повторять, что окружающее для нее – явление временное, еще немного и она покинет этот жуткий сон. Причислять себя к этим несчастным ей и в голову не приходило, и она ждала... каждый день, не забываясь ни на секунду, она ждала новостей, а ночью убеждала себя, что завтра к ней наконец придут представители консульства или компании, и она наконец узнает, как обстоят дела. Но неизвестность тянулась, расплзалась и начинала давить со страшной силой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.